



Валерий Георгиевич Анишкин

Студент

*Человек в мире
изменённого сознания*

Валерий Георгиевич Анишкин

Студент. Человек в мире изменённого сознания

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33169191

ISBN 9785449080189

Аннотация

Эта книга является продолжением повести «Моя Шамбала», в которой автор рассказывает о жизни небольшого провинциального городка в первый мирный год после войны 1941—45 гг., и о подростке, наделённом необычными паранормальными способностями. В новой книге читатель познакомится со студенческой жизнью в провинции и в обеих столицах нашего государства конца 50-х, начала 60-х гг. прошлого века. Книга предназначена для самого широкого круга читателей, в том числе для детей старшего школьного возраста.

Содержание

Валерий Анишкин	5
С Т У Д Е Н Т	6
ЧАСТЬ I	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	35
Глава 4	45
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	84
Глава 8	89
Глава 9	96
Глава 10	101
Глава 11	111
I	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

**Студент
Человек в мире
изменённого сознания**

**Валерий Георгиевич
Анишкин**

© Валерий Георгиевич Анишкин, 2018

ISBN 978-5-4490-8018-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Анишкин

СТУДЕНТ

«История повторяется. В многообразном сочетании исторических сил, условий, положений, фактов, лиц часто бросаются в глаза черты близкого сходства, порой доходящие до удивительного совпадения»

В этих словах замечательного русского писателя Фёдора Крюкова заключена значимость исследования и изображения дней минувших.

В творчестве это особо заметно, поскольку читателю, зрителю, слушателю представляют не сухие причины, следствия, выводы, а дают возможность войти в жизнь и мысли героя-персонажа, стать его соратником, поклонником, либо – противником.

Новый роман писателя Валерия Анишкина и представляет такую книгу жизни. Вернее – продолжения обрисовки бытия молодых ребят – героев предыдущего романа «Моя Шамбала».

Как очередной листопад промелькнули дни и годы. После окончания школы разбежались, растеклись в поисках будущего многие из друзей главного героя – Владимира.

Для него всё ясно: со школьной медалью – в институт на факультет иностранных языков, для начала – в провинциальный родного города; но со второго курса он уже в Ленинградском имени А. И. Герцена. Почти в то же время

в «Неве», литературном журнале «второй столицы», появляется первая публикация его рассказа. А эмоции какие! Ведь он живёт в великом городе русской истории, во «граде» знаменитых лиц и памятников.

Любопытно, что, любуясь Адмиралтейством, Исаакием, экспозициями Эрмитажа, Владимир невольно возвращается памятью к словно акварелью написанным картинам своей родины: к Красному мосту над Окой, на старинную Болховскую улицу, официально именуемую сегодня Ленинской, а в среде молодёжи – Бродвеем. Там мало гранита и мрамора, но писатель и воссоздаёт-изображает другие ценности – броуновское движение лиц и глаз, набор характеров и поступков. В этой среде с младенческих шажков он учился дружить и любить.

Но кроме внешних радостей родная земля подарила ему особое свойство: предвидеть будущее и быть свидетелем сокрытого. В «Шамбале» он, концентрируя сознание, лечил отца, близких и дальних. Потом, со взрослением, наступило затишье. Кудесник-чудесник замолчал. На время. Обнажённая совесть ждала притока новых сил. Именно это возвращение в чудо он ощущает как главный дар судьбы. Экзамен экстерном и даже возобновление уз любви – это потом. Но в экстрасенсорике, подчеркивает автор, главное – не пасы рукой и гипнотизирующий взгляд. Здесь он следует писанию великого философа-святителя Григория Богослова, не однажды поучавшего духовных коллег: «самое главное и бессмертное

в человеке – творящая и добрая душа».

Любое чудо предваряется любовью. Мы замечаем это потому, что к изучению английского подтолкнула мальчика-юношу любовь к творениям великих англоязычных писателей – Уильяма Шекспира, Теодора Драйзера, Джека Лондона, Эрнеста Хемингуэя.

Способности целительства пришли как лучшее выражение любви к отцу, потерявшему здоровье на фронтах Великой Отечественной.

Особого разговора заслуживает художественный язык романа: он прост, но многоцветен. Студенческий сленг соседствует с высокопарными спичами интеллигентствующего бомонда. В бытовых беседах с педагогами присутствуют образчики речи педагога-наставника.

Герои романа душой и телом живут в науке, но словарь исследователей и автора ни в коей мере не засорен латинизмами или переделками «с французского на нижегородский».

Язык героев соответствует различным пластам советского бытия: при последышах Сталина – либо свержххвалебный, либо несправедливо жесткий, потом, до перестройки – брежневско-застойный. Автор сохраняет языки как памятники времени. Они звучат, как колокола: возвышающий имя Отчизны полёт Гагарина – время оживления державы в начале 60-х годов; обвиняющие Пастернака плакатные клики – это уже при Суслове.

В завершение романа Анишкин предлагает главному ге-

рою произнести многозначную фразу: «Я свободен теперь...» От чего? —спросит читатель. Но чтобы дать ответ, надо изменить в вопросе предлог «от» на предлог «для»: чтобы сделать выбор из многочисленной жизни. На основании созданного собственными руками и умом, с использованием полученных уроков жизни.

Книга Валерия Анишкина – не учебник жизни, но прочтя её, захочется всмотреться в ту школу жизни, которую проходили мы сами.

Владимир Самарин,

Член Союза российских писателей

ЧАСТЬ I

Глава 1

Другое восприятие мира. Ученые о возвращении «дара». Письмо Вольфа Мессинга. Дорога в «alma mater». Странный молодой человек. Встреча Солнца. Фотографическая память. «На картошку!»

Школу я закончил с медалью, в немалой степени благодаря хорошей памяти, которая, слава Богу, осталась или была оставлена мне провидением¹, когда я перестал воспринимать мир так, как воспринимал его до болезни, случившейся в 14 лет. Теперь я не вижу всё так ярко и образно как раньше, когда ощущал себя неотъемлемой частичкой всего, что находилось и жило вокруг меня. Теперь эта гармония осталась только в сознании, и все живет и существует рядом со мной, но не во мне. Я не могу больше двигать предметы силой энергии, которая была заложена в меня, и я не могу ввести себя в то состояние, когда сознание начинает работать в особом режиме восприятия. Я потерял дар телепатии и гипно-

¹ **Провидение** (иначе – промысел или промышленность) – целесообразное действие Высшего разума, направленное к наибольшему благу творения вообще, человека и человечества в особенности.

за, как и предвидения, и сны мне снятся обычные. Но я еще не потерял способность снять головную боль и ускорить заживление небольших ран, и мне кажется, что во мне неуловимо происходят какая-то трансформация, я меняюсь и все больше утверждаюсь в мысли, что все способности, которыми я обладал раньше, вернутся.

Об этом говорил и Вольф Григорьевич Мессинг, с которым мы с отцом познакомились на одном из его сеансов психологических опытов и который опекал меня. В ответ на письмо моего отца, пытаюсь объяснить положение дел, Вольф Григорьевич писал тогда:

«Уважаемый Юрий Тимофеевич!

Письмо Ваше меня огорчило, но не удивило. Мозг – это очень тонкий и сложный механизм. Когда мы говорим о безграничных возможностях человеческой психики, мы говорим о таинственной загадке человеческого мозга. Мы не знаем, как формируются феноменальные способности, но, как видно, достаточно незначительного внешнего фактора, чтобы потерять их. В мире известно много случаев, когда этот дар бесследно исчезал даже без видимых влияний извне...

Но я думаю, вполне вероятно, что способности, которыми обладал Володя, не пропали. Они могут вернуться так же внезапно, как и исчезли. Ведь у него остались знакомые ощущения, которые он переживал в том своем состоянии. И если по каким-то причинам дар, данный ему природой, покинул его, этот дар можно попробовать вернуть, воздей-

ствуя на мозг уже знакомыми методами, т.е. попытаться снова «разбудить» уснувшие мозговые клетки...»

К Вольфу Григорьевичу мы ездили. Он показывал меня ученым: профессору Вольштейну, радиопфизику Кобзеву и физику Френкелю.

«Форсировать события не стоит, но при определенном стечении обстоятельств способности могут вернуться», – заключил тогда Вольштейн, а Френкель сказал: «Пытаться воздействовать на мозг нет смысла хотя бы потому, что молодой человек совершенно здоров, а всякое вмешательство в здоровый организм чревато непредсказуемыми последствиями». Кобзев с ними согласился.

Сам же я не то чтобы сожалел о потере своего дара, но испытывал легкую грусть, как о потере чего-то, к чему привык...

В институт я поступил легко, но это не мешало мне испытывать эйфорию от принадлежности к студенческому сообществу и гордость от сознания своего нового статуса.

В свою «alma mater» я ходил пешком. Стояли те благодатные дни, которые называются «бабьим летом», когда днем солнце греет, заставляя снять легкую куртку, надетую утром, потому что холода уже отдавали легким морозцем.

Я выходил из дома и шел по тихой улице Советской, почти не знавшей транспортного движения грузовых и легковых автомобилей, и по этой причине трава пробивалась даже на проезжей части; здесь козы паслись на зеленых обо-

чинах дороги, а тротуары представляли собой протоптанные тропинки. Я сворачивал на более оживленную улицу Степана Разина, а дальше на Московскую, где трамваи, автобусы бесповоротно разрушали идиллию провинциальной патриархальности быта.

На Красном мосту, который раньше назывался Мариинским в честь супруги царя Александра III и матери Николая II Марии Федоровны, я останавливался, чтобы встретить солнце, всходящее из-за аскетического силуэта элеватора. Солнце всегда было разное, то есть, я видел его разным. Оно могло быть холодным и теплым, а потому ясным и тусклым. А когда солнце полностью выплывало из-за элеватора, оно слепило, заполняя видимое пространство, и тогда все строения как бы растворялись в нем. Иногда оно едва пробивалось сквозь облака или выглядывало из-за них. Так я стоял недолго, словно только для того, чтобы убедиться, что Солнце есть и никуда не делось, а Земля по-прежнему «все-таки вертится».

При встрече солнца я всякий раз почти физически ощущал, как некая неведомая сила проникает в меня и наполняет чем-то неуловимо волнующим. И я помнил, что это все уже жило во мне раньше, но не мог вспомнить точно, что это было, как часто не можешь вспомнить ускользающий от тебя сон.

Наконец я сливался с общим потоком людей и следовал дальше, через ряды по улице Комсомольской, в конце кото-

рой находился мой институт, и которая потом превращалась в трассу и вела на далекий заманчивый Юг, где плескалось никогда не виденное мной Черное море.

Эта утренняя прогулка от дома до института не доставляла мне тяжести, тем более что моя физическая – или ментальная – сущность заставляла мой мозг непрерывно работать, и я имел привычку по дороге вытаскивать из памяти тексты, стихи и даты, так что даже не замечал, как оказывался перед массивными дверями вуза, больше похожими на ворота.

Новый корпус института разительно отличался от старого, похожего на нашу двухэтажную среднюю школу, в которой я учился, с темными классами и узкими коридорами. Новое здание радовало светлыми с большими окнами аудиториями, огромным спортзалом, большой библиотекой, столовой, актовым залом и залом-амфитеатром для сводных лекций.

Едва я оказался в фойе, как меня окликнул второкурсник Юрка Богданов:

– Привет, чувак! Говорят, завтра всех отправляют на картошку.

– На какую картошку?

– Ты что, с луны свалился? – Едем в колхоз помогать селу убирать урожай.

– Ну, значит едем, – согласился я.

– Что-то ты как-то без эмоций.

– А зачем тебе мои эмоции? *Quod principi placuit, legis habet vigorem.*

– Переведи, – потребовал Юрка.

– Что угодно повелителю, имеет силу закона, – перевел я.

– Ты знаешь латынь?

– Да так, скорее, какое-то количество выражений.

Юрка неопределенно пожал плечами и пошел дальше по своим делам.

В группе уже знали о колхозе и возбужденно обсуждали, что брать с собой и как одеваться. Вошла преподавательница английского, куратор нашей группы, и подтвердила официально, что весь иняз едет в колхоз «Красный Октябрь», в деревню Успенки.

Глава 2

Колхоз «Красный октябрь» и деревня Успенки. На постое у деда Савелия. Дед Савелий и Караваев. Деревенские «женихи». Гипноз или «ложное геройство»?

Колхоз прислал грузовики с открытыми кузовами, застеленными соломой, и мы, человек пятнадцать юношей и девушек разных курсов, плотно улеглись на мягкую подстилку в одну из машин и с песнями весело покатали в колхоз «Красный октябрь».

Разместили нас по-деревенски просто. Четырех мальчиков поселили к хозяину в дом, девочек, которые составляли большинство, – в клуб. Студентов других факультетов увезли в соседние деревни.

Успенки представляли собой довольно убогое поселение, где почти все избы крылись соломой, а некоторые жилища имели земляные полы. Удручающее впечатление производила пустота вокруг жилищ. Большие участки занимали огороды с картошкой, огурцами, свеклой, репой и морковкой, но почему-то кроме малого количества яблонь никаких других деревьев мы не видели. Зато в низине текла речка, а вдали темнел лес, куда деревенские бабы и ребяташки ходили за грибами, орехами и ягодами.

Наш хозяин, дед Савелий, человек преклонного возраста,

жил один, но хозяйство при всем при этом не бросал. Держал он свинью и одноглазую козу. Когда к козе подходили, она настороженно поворачивалась боком и выставляла правый рог. Еще дед Савелий держал штук тридцать всякой птицы: куры, гуси, индюки. На огороде у него росла одна картошка, да стояла пара яблонь и пара слив.

Мы как-то спросили:

– Дед, а чего у вас так мало фруктовых и почти нет никаких других деревьев?

– А на кой они? – усмехнулся Савелий. – Толку от них?

Почесал бороду и добавил:

– Вон лес стоит, вот тебе и деревья... А по поводу яблонь, дык, при Сталине налог был на них, три рубли за ствол. Непосильно. Вырубили все к ядрёне фене.

В колхозе дед по слабости здоровья и в связи с преклонными годами не работал. Государство положило ему пенсию в двести пятьдесят рублей, и пенсией дед Савелий остался доволен. А хозяйствовать ему помогал старик Караваев, тоже бобыль.

Хотя Караваев был всего лет на пять моложе Савелия, он находился в полной мужской силе: работал колхозным сторожем, ходил бить скот, вел свое хозяйство, да еще помогал по соседству Савелию.

Караваев приходил к Савелию под вечер. Иногда приносил бутылку водки, и они выпивали. При этом дед Савелий отсчитывал Караваеву ровно половину стоимости водки

вплоть до копейки.

Городских дед Савелий взял с охотой. Продукты выписывал колхоз: мясо, молоко. Картошку давал дед Савелий, а за все это ему писали трудодни...

Я проснулся первым, немного полежал с открытыми глазами, посмотрел снизу на ходики, которые висели прямо над головой и встал. Сначала нехотя, потом, когда вышел во двор, меня охватило чуть свежим холодком, и я окончательно проснулся. Утра стояли уже прохладные. Над рекой плыл туман, стелился по земле, отчего казалось, что река затопила берега, и деревья тоже стоят в воде. Хозяйки варили обед, и над трубами вился дымок. Где-то залаяла собака, промычала корова, звякнули ведра, перекликнулись женщины. Деревня проснулась. В предутренние часы трудно заставить себя встать, так спать хочется, но именно в эти ранние часы проявивший мудрость получает заряд бодрости на весь день, наполняется восторгом и жадой деятельного труда; и в эти часы человек, наверно, как никогда близко стоит у порога раскрытия тайны бытия и разрешения вечного вопроса смысла жизни.

Когда я вернулся в дом, ребята уже сидели с застанными глазами на соломенном настиле, который служил нам постелью.

В поле мы выходили рано. От того, как быстро мы закончим выделенный нам участок, зависело – долго ли мы про-

будем в этом Богом забытом колхозе.

Недалеко от нас работали школьники. Они как воробьи прыгали по грядкам, очень быстро набирали картошку в ведра и носили к тракторному прицепу. Ссыпать картошку помогал им молодой учитель. Ребячьи голоса летали в воздухе, и работать было вроде веселей.

На уборке картошки трудились и украинцы, которые каждый год нанимались в колхоз. Работали они от зари до зари, и результат у них был значительно больше, чем у нас, молодых и неискушенных в полевых работах, и зарабатывали они хорошо.

Местным же денег не платили, им писали трудодни, и они работали спустя рукава.

Девушки к концу дня чуть не ползли по борозде, да и у нас, стоило разогнуться, в глазах темнело, блохами прыгали черные точки, и мы сменяли друг друга, переходя с подборки на погрузку.

Пятикурсница Алина Сомова, когда мы в первый день после обустройства пришли посмотреть, как они устроились, с высокомерием дембеля к молодому солдату сказала: «А вы, выюнош, тоже студент? Даже не верится, такой молоденький». Я смутился. Девушки с четвертого и, тем более, с пятого курса казались мне такими «старыми», что думать о каком-то равном отношении с ними я не смел. Двадцатидвух – двадцатитрехлетние, они виделись мне из другого времени, – невесты для взрослых мужчин.

Алина Сомова вдруг повалилась на спину и напугала всех, взыв дурным голосом: «Ой, девки, не могу, помру сейчас!»

Девушки мгновенно побросали ведра и расселись вокруг Алины.

– Тошнит, девки, видеть эту картошку не могу! – проговорила Алина.

– А что? – отозвалась старшая группы Света Новикова. – Очень даже может быть такое. Я где-то читала про сибаритов. Они вели праздную жизнь. У них даже не водопроводы были, а винопроводы. Лежит, а в рот вино капает.

– Во, жизнь! – отозвался с лошади бригадир Семен Петрович, нюхом почуявший непорядок и притрусивший с соседнего поля, как всегда зачуханный и небритый.

– Так вот, говорят, один сибарит, – продолжала Света, не обращая на него никакого внимания, – увидел, как работают в поле рабы, и тут же умер.

– Это как же? – не поверил бригадир.

– А также! Сердце не выдержало.

– Лопнуло, значит! Это от вина, – убежденно сказал Семен Петрович и потрогал левый бок.

– Ну, у вас не лопнет, вы самогон пьете! – серьезно заметила Алина.

Девушки дружно засмеялись, а бригадир, хлопая глазами, перебаривал Валькины слова. И вдруг понес в бога мать:

– Растопырились, туды растуды на три деревни. Привыкли в городе на задницах сидеть, мать вашу...

– А ну, работать! – срываясь на визг, закончил свою речь Семен Петрович.

– Arbeiten. Все понятно, – перевела Алина. – Aufstehen, мать вашу!

Бригадир Семен Петрович ничего не понял, хотя чувствовал в этих словах что-то ругательное по отношению к нему, но так как зла больше не осталось, сказал нормальным голосом:

– Ладно, по иностранному-то умничать, образованные! Чтоб мне ряд сегодня весь добрали.

И, хлестнув лошадь прутом, ретировался.

На Семена Петровича не обижались... Великая вещь привычка. Первое время на мат реагировали болезненно, жаловались чуть не со слезами своему директору, директор говорил с председателем, председатель кричал на бригадира, а бригадир на председателя. И какое-то время бригадир бранных слов не произносил, но потом они прорывались с еще большей силой. Председатель разводил руками: «Ну что я могу сделать? Такой народ. Снять с бригадирства, так это всех подряд снимать придется... Иной раз и сам сорвешься...»

– Бывает, – смущенно кашлял в кулак председатель. – Нету других людей... Я с ним поговорю еще, припугну построже, а уж вы как-нибудь сами с ним, пристыдите что-ли.

Просили колхозного сторожа Игната при случае сказать бригадиру, чтобы не выражался. Думали, старого человека

послушается.

Дедушка Игнат искренне удивился: «Кому, Семену? Да ему, сивому мерину, родить легче, чем от мата отвыкнуть. Сызмальства это у него. Без штанов еще ходил, а уже матерные слова знал.

После этого на Семена Петровича махнули рукой и старались не обращать внимания, но и ему, видно, на пользу пошел разговор с председателем. Материться совсем он не перестал, но заметно было, что сдерживается.

– Пошли, девчата, доделаем что ли, – встала Света Новикова.

– Дай отдохнуть – то! – взмолилась Таня Савина.

– Девоньки, засидимся, хуже... А то, до зимы здесь будем торчать?

– Домой хочется, – жалобно сказал кто-то.

– Хватит ныть, пошли...

Когда мы пришли с поля, дед Савелий сидел с Караваевым на лавке за столом. Перед ними стояла бутылка водки.

Увидев квартирантов, дед Савелий засуетился и намеревался привстать, но Караваев придавил его к скамейке и с усмешкой сказал:

– Не мельтеши. Чай, в своем доме, не в гостях.

И в нашу сторону добавил:

– Места всем хватит, вона лавка какая, во всю стенку.

– Много наворочали-то?! – спросил дед Савелий.

– Много не много, а спины болят, – не стал притворяться Алексей Струков. Алексей учился на третьем курсе и получал Ленинскую стипендию.

– А девки?

– А что девки? Работают.

– Да где там! Маломощные. Известно, город. Наши-то бабы пожилистей будут, – поддержал Караваев.

В дверь постучались и в избу вошли Света Новикова и Таня Савина.

– Мальчики, приходите сегодня к нам вечером, а то девчонки что-то заскучили, – сказала Света Новикова.

– Домой просят, – добавила Таня.

– Как же это ты, дочка, рожать будешь, экая тощая какая, – пожалел Таню Караваев, по-своему оценивая ее изящную фигурку.

Таня покраснела и растерянно посмотрела на подругу.

– Как все рожают, так и она родит. Другого способа не придумали, – без стеснения ответил Юрка, второкурсник с внешностью киногероя, тот, которому не понравилось, что я воспринял известие о колхозе без эмоций.

– Ишь, как все, – засомневался Караваев.

– Она двойню родит. Правда, Танечка? – засмеялась Света Новикова.

– Веселый народ, пошли вам Бог женихов хороших, – пожелал дед Савелий.

– Да хоть каких-нибудь бы послал, – живо откликнулась

Света. — У вас вот нет, разбежались все.

— Что правда, то правда, — сказал Караваев. — Молодежь вся в город норовит, не хочет на земле хозяйствовать.

— И то, одни малыцы сопливые остались, — поддержал дед Савелий.

— А туда же, не могли и слова поперек сказать, он тебе и комбайнер, и тракторист. По нынешним временам — фигура.

— Фигура, да дура, — перебил Караваев. — Водку жрать научились, а мужик кроме этого никакой. Прошлый раз Васька Коршунов просит: «Дядь Иван, дай трояк до завтра». А в гости зайдешь, у бабы рубль просит, чтобы бутылку купить. Мужик, ядри твою в корень!

— А вот гляди у меня! — Караваев вытащил из бокового кармана пиджака пачку замусоленных десятков.

Видал? То-то! Приди ты, к примеру, ко мне — напою и накормлю.

— Так оно так, — поддакнул дед Савелий. — Дочка — вот тоже с зятем. Не батьке помочь, а с батьки. А у меня уж ноги не ходят хозяйствовать... Сад пропадает. Картошку насилу выкопал, дай бог тебе здоровья, Иван, помог. А то: картошки дай, мяса дай, а приехать, вишь, занятые.

— Картошки, мяса! — передразнил Караваев. — А тыщу не хошь? Мой Колька прикатил летом: «Тыщу дай, мотоцикл Ковровец хочу купить».

Он вдруг по-собачьи ощерился:

– Накось, выкуси! Десять не хошь? Заработай, гад ты этакий!.. Так ты знаешь, что он сказал? Я, говорит, когда-нибудь придушу тебя, батя. Ты понял, нет? За тыщу, батьку родного!

Караваев разнервничался, руки дрожали и дергалось веко.

– Родителей не почитают, старых не признают. Куды – ы! Слова не скажи поперек. Щас – в морду, а то ножиком норовит, – пожаловался дед Савелий.

– Во-во! Осатанели совсем. Я, говорит, дед, пашу, на мне колхоз держится, – передразнил кого-то Караваев.

– Это пока в Армию пойдет. А там, прощай колхоз, – заметил дед Савелий. – Так что, девоньки, женихов в городе ищите. Нашенские-то ненадежные теперь.

– Так ваши-то, которые ненадежные, у нас в городе все, – заметила Таня, а Света Новикова добавила:

– Разбирайтесь теперь, какие ваши, какие наши. Одиначково водку пьют.

– За кого ж замуж выходить будете? – поинтересовался дед Савелий.

– Что ж, совсем трезвых что-ли не осталось? – обиделся за ребят Слава Сорокин, третьекурсник с французского отделения.

– Верно, хороших-то больше. Это пьяницы нам только чаще примечаются, потому как, хороший – дело обыкновенное, а пьяница – вроде бельмо на глазу, – утешил девушек дед Савелий...

Девушек пригласили к столу, но они застеснялись и поспешили уйти, выдав истинную причину своего прихода. Вчера приходили «женихи» из местных, орали частушки под окном, ругались матом, грохали кулаками в дверь и звали на «матаню».

Мы поужинали, потеснив к краю стола хозяина с его приятелем, и стали собираться в клуб, где разместились наши девушки, а Савелий и Караваев все еще сидели за столом, злобствовали непонятно на что и попутно ругали за нерадивость председателя: скотина, мол, в коровнике по колено в навозной жиже, а техника сплошь и рядом под открытым небом. И мы долго еще слышали задиристый тенорок деда Савелия и недовольный рык Караваева.

Клуб не отапливался, и девушки мерзли. Спали вповалку на соломе.

Не успели мы войти и завести «светский» разговор, рассевшись по лавкам вдоль стены, как заявили «женихи». Вокруг старших, как это водится, терлась мелюзга. Старшие – в шляпах, один даже в темных очках, несмотря на сумерки. Он, перегнувшись от тяжести на одну сторону, держал детекторный приемник, через динамик которого со скрипом и скрежетом пробивалась какая-то песня. Выглядели «женихи», прямо сказать, не «комильфо» и, конечно же, девушки не принимали их всерьез. Но когда они облепили окна и потребовали: «Девки, выходи на танцы!», стало не до смеха.

А тут еще Алинку Сомову черти за язык дернули. Она подскочила к окну и крикнула:

– Сначала умойтесь, хухрики!

И тут же пожалела. «Женихи» начали ломиться в дверь, колотить палками по рамам. Слава Сорокин, Алексей Струков, Юрка Богданов и я вышли на крыльцо. Струков попытался образумить ребят, но слова на них не действовали. Деревенские видели, что их побаиваются, и еще больше нагнали: улюлюкали, свистели, а малышня подстрекательски крутилась у ног.

Неожиданно один из деревенских, невысокий худощавый с лихо сдвинутой набок кепочкой, из-под которой торчал рыжий чуб, вынул финку и пошел на нас. Слава замолчал на полуслове, все напряглись; притихли и деревенские. Когда я поймал взгляд рыжего, меня вдруг словно что-то подтолкнуло ему навстречу. Я не отводил своего взгляда от его глаз, бессознательно мысленно приказывая отдать мне нож. И рыжий, будто споткнулся обо что-то, встал как вкопанный, серые глаза его потухли, а выражение лица изменилось на покорно безразличное, и он протянул мне нож, который я спокойно взял. Похоже, что ни наши, ни деревенские ничего не поняли. Наши молчали, а деревенские с удивлением смотрели на своего товарища.

В это время появились старший колхозного десанта преподаватель латинского и языкознания Юрий Владимирович Зыцерь и председатель профкома института. Жили они

на другом конце деревни и пришли посмотреть, как люди устроились. Разобравшись в обстановке, Юрий Владимирович действовал решительно и смело пошел в сторону на деревенских. Выглядел он внушительно, и деревенские, почувствовав в нем начальника, отошли подальше и стали ждать, что будет дальше. Наш старший остановился и спокойно сказал:

– Я бегать за вами не стану. Но учтите, если кого-нибудь увижу здесь через десять минут, пеняйте на себя.

– А что ты сделаешь? – нагло спросил высокий парень с лохматой гривой волос.

– По крайней мере, с тобой поговорю в райотделе милиции, это я тебе обещаю. Физиономия твоя мне хорошо знакома: утром стоишь со своим ЗИЛом у правления. Фамилию мне узнать нетрудно... Вон того тракториста тоже найду, – пообещал Зыцерь.

Деревенские притихли и видно, что струсили, но отступить сразу и этим признать поражение не могли. И когда наш старший вместе с предпрофкома, убедившись, что девушкам ничего не угрожает, ушли, бузотеры еще некоторое время петушились, выкрикивали матерные частушки, но к клубу не подходили. Потом все стихло, и все решили, что деревенские ушли.

– Тоже мне, мужики! – сказала Алина Сомова. – С малолетками не справились. Если бы не Юрий Владимирович... Она не договорила. Звякнуло и разлетелось стекло,

и в клуб влетел камень.

Мы, будто заглаживая свою вину, бросились на улицу. Раздался топот, свист, и на улице никого не осталось.

Только мы вернулись в клуб, как в разбитое окно просунулась физиономия в шляпе и сказала:

– Погоди, щас Васька трактор подгонит. Весь клуб к ядрёне фене разворотит.

После этого все стихло, но мы до ночи сидели в клубе, пытаясь успокоить девушек, так как они боялись ложиться спать. Да и действительно, черт их знает, дегенеративных, возьмут и в самом деле разворотят...

Мои товарищи моей «выходки» не поняли.

– Надо быть полным идиотом, чтобы без обоснованной причины бросаться на нож, – сказал Струков. – Ложное геройство. Хотел нам свою бесшабашную смелость показать?

– А зачем он тебе нож-то отдал? – Юрка вертел в руках финку, разглядывая наборную плексигласную рукоятку. Его больше интересовал именно этот вопрос. Кстати, финку ружью мы вернули. Он пришел к деду Савелию, когда мы сидели дома, клялся, что не собирался никого резать, а хотел только попугать.

Но откуда кто мог знать, что мной руководило при этом нечто другое, в чем я должен был утвердиться. В тот момент мое подсознание подсказало, что сейчас я смогу ввести этого деревенского парня с ножом в состояние гипноза, как это делал раньше, и он безоговорочно подчинится мне.

Это было бессознательное действие с моей стороны, как будто высший разум не оставляет меня и его волей я совершаю иногда поступки. И это убедило меня в том, о чем говорили Мессинг, Вольштейн и Френкель, что способности могут вернуться. До этого, очевидно, было далеко, но этот случай обнадежил меня, и теперь я твердо уверился, что достаточно какого-то толчка, чтобы мой мозг снова настроился на ту необъяснимую волну, которая позволяет проявляться необыкновенным способностям человека.

Кажется, совсем недавно я мог мгновенно ввести человека в гипнотическое состояние и продиктовать ему свою волю, которой он безоговорочно подчинился. Так когда-то случилось, когда я отвел руку с нагайкой конного милиционера, который готовился огреть меня, когда мы с пацанами лезли на стадион через забор. Все решили, что лошадь просто чего-то испугалась и понесла седока. Я тогда никого не убеждал, не стал делать это и сейчас.

Мы позавтракали и пошли к правлению в приподнятом настроении. В приподнятом оттого что день выдался такой хороший, и оттого что сегодня заканчивали уборку картошки на своем поле и вечером или завтра утром могли уехать домой,

У правления уже собралось много народу. Мы подошли к своим. Девушки встретили нас без энтузиазма, и мы насто-рожились.

– Что-то вы как пришибленные стоите? – спросил Слава

Сорокин.

– Сейчас и вы пришибленными станете, – пообещала Али-на Сомова и, посмотрев на улыбающегося Юрку Богданова, добавила:

– А то вы что-то очень весёлые.

– Да что случилось-то? – не выдержал Алексей Струков.

– А то, что Сеня приехал. Председатель звонил вчера в город нашему проректору насчет того, чтобы нас еще на неделю оставить.

– Да ты что?

– Я ничего, а вот как Сеня...

В это время вышел Семен Борисович и пригласил всех в правление. Кабинет председателя всех не вместил, и многие остались в коридоре, но через открытые двери хорошо было слышно, что говорилось в кабинете.

Говорил сначала председатель. Он ознакомил всех со сводкой погоды на ближайшую неделю. Сводка оказалась неутешительной. Бюро прогнозов предсказывало заморозки и снег. Когда председатель говорил о погоде, лицо его выражало обиду, как будто метеорологическое бюро наслало заморозки на его колхоз специально. Потом председатель стал жаловаться на условия. Людей не хватает, механизмов тоже нехватка, картофелекопалки быстро выходят из строя и почти не работают. Если не убрать всю картошку до заморозков, пропадет.

Стал объяснять истину о том, что город, в общем-то, ест

колхозную картошку, так что, считай, что городские для себя же и стараются, а известно: «Как потопаешь, так и полопаешь». И долго еще ходил вокруг да около вопроса, ради которого и собрали всех, а напрямую сказать, чтобы остались еще дня на два, на три и помогли выбрать оставшуюся картошку на соседних полях, не хватало духу. Понимал, что всем до смерти надоел колхоз и картошка. И все видели, что он понимает, а поэтому сочувствовали и особенно не «выступали».

Семен Борисович поймал момент, когда председатель, более-менее приблизился к конкретному вопросу о помощи, и перебил его:

– Короче говоря, надо помочь закончить уборку картофеля. С руководством нашего института вопрос уже согласован.

Этого ждали, к этому были готовы, но все же заволновались. Раздались недовольные голоса.

– Я понимаю – все устали, – повысил голос Семен Борисович. – Но давайте подойдем к вопросу с государственной позиции. Степан Никитович достаточно хорошо изложил нам положение дел. Идут заморозки. Самим с уборкой не справиться. Убрать картошку нужно? Нужно. Предлагаю всем за субботу и воскресенье убрать всю картошку. В понедельник – домой.

– А если за субботу и воскресенье не уберем? – задал кто-то вопрос.

– Надо постараться. Сегодня вас отвезут на новое поле, а ваши участки закончат школьники. Есть еще вопросы?

Вопросы были. Но уже не по поводу работы. Спрашивали, почему не дают молока, просили на поле привозить питьевую воду и так далее.

Света Новикова видела, что девочки повесили носы. Чтобы поднять настроение подруг, она бодро сказала:

Ну чего скисли? Первый раз что ли? Переживем, девки! Подумаешь, два дня. Дома отгуляем.

– Да-а, два, – всхлипнула Таня Савина. – А потом еще на неделю оставят.

– Никто не оставит, – успокоила Алина Сомова. – В понедельник дома будем.

К правлению подкатил пыльный «козел» и, резко тормознув, напугал девушек. Из машин вышел второй секретарь райкома. Навстречу ему уже спешил председатель колхоза Степан Никитович.

– Ну, и дорога же у вас! – недовольно сказал секретарь, протягивая руку Степану Никитовичу.

– Не у «вас», Николай Савельич, а у «нас», – усмехнулся председатель, пожимая протянутую руку.

Оба исчезли в правлении.

К правлению подъехал трактор. Тракторист лихо развернул прицеп и затормозил, чуть не зацепив девушек. Те с визгом разбежались в стороны. Покричали на тракториста, посмеялись, но, когда тракторист весело предложил подвезти,

в прицеп не полезли: трактористы трезвыми в трактор не садились, гоняли напропалую, не разбирая дороги, и ездить с ними боялись. Как-то колхозный тракторист Васька Куликов свалился с трактором в овраг. Трактор перевернулся, а Васька каким-то чудом остался жив. Проспался в том же овраге и пришел в правление. Потом сам проговорился, что ездил на тракторе в соседнюю деревню за самогоном.

Мы вместе с девушками пошли к машине, которая уже ждала нас, чтобы отвезти на поле, и полезли в кузов. Шофер, молодой парень с соломенными волосами и коричневым задыбелым от солнца и ветра лицом, осветил девушек белозубой улыбкой, весело спросил:

– Ну, невесты, поехали?

– Поехали, жених, – разноголосо отозвались девушки, и на голову парня посыпались шутки. И когда машина тронулась, затянули студенческую: «С деревьев листья облетают, ёксель-моксель...»

Глава 3

Что такое ностальгия. Маршак и «Слово о полку Игореве». «Бродвей» и его обитатели. Незадачливый декламатор. В кафе. Алина и француз. «Guadeamus igitur».

Я всегда любил это тревожащее до замирания души возвращение домой после долгого отсутствия. Три недели для меня – это долго. Так случилось, когда я приезжал домой после смены в пионерском лагере. Месяц, а кажется не был дома целый год. Смотришь, будто век не видел домов и улиц города, в котором прожил уже немало лет, а своих пацанов встречаешь так, будто вообще уже не чаял увидеться с ними.

Мы часто говорим о любви к Родине, имея в виду Россию, но забываем, что эта любовь начинается с привязанности к тем местам, где ты родился и провел детство. Но только с годами начинаешь понимать, что такое ностальгия и соглашаться с Генрихом Сенкевичем, когда он писал: «Грусть, тоска по Родине владеет главным образом теми, кто почему-либо не может вернуться в родные края. Но порой приступаю к ней подвергаясь те, для которых возвращение – вопрос собственного желания. Поводом может быть: восход или заход солнца, напоминающий зори в родных местах; какой-нибудь перелив в песне, в котором еле уловимо проскользнет знакомый напев; купа деревьев, напоминающая

лесок возле родной деревушки – и готово! Сердце охватывает огромная неодолимая тоска, и ты вдруг чувствуешь себя листком, оторванным от далекого, милого дерева. В такие минуты человек либо возвращается, либо, если у него есть хоть немного воображения, *творит*».

Ну, до той ностальгии, о которой говорил Сенкевич, мне еще было далеко, и это позже меня захватят ощущения, которыми «болел» большой писатель, но на подсознательном уровне, я думаю, всем знакома та тоска, о которой он говорит. Только мы выражаемся проще: «Я скучаю по чему-то и по кому-то».

Воображения, о котором говорил Сенкевич, у меня было достаточно, правда, я не «творил», но к литературе меня тянуло, и я пробовал заниматься переводами стихотворений английских поэтов, находя их в антологиях. Кажется, что-то даже получалось, и я, обнаглев, тихо спорил с Маршаком, считая, что он нарушил размер, например, в стихотворении Роберта Бернса. У Маршака: «Любовь, как роза красная цветёт в моем саду. Любовь моя – как песенка, с которой в путь иду». А у Бернса-то: «O, my love is like a red, red rose, that's newly sprung in June. O, my love is like a melody, that's sweetly played in tune». И я переводил так, как мне казалось более точным: «О, любовь, ты прекрасна, как роза, заалевшая поздней весной! О, любовь, ты, как арфы звуки, зазвевшие светлой струной!»

Я думаю, простит мне покойный Самуил Яковлевича мою

самонадеянность, ибо и сам я уже устыдился этого...

Мы встречались вечером следующего дня в городском парке. Я оставался в своей группе один юноша на девять девиц, а на всем факультете учились три человека мужского пола, если не считать меня. Но меня приняли в компанию старших безоговорочно, несмотря на инцидент с ножом. Меня зауважали за стихи, которых я знал достаточно, а когда однажды стал читать на память «Слово о полку Игореве» в прозаическом переводе Ивана Новикова, об инциденте забыли, как о некоем недоразумении, которое со мной случилось, но мне не свойственном. Кстати я мог прочесть и несколько частей оригинального старославянского текста. Не знаю, зачем мне понадобилось знать наизусть, например, «Слово о полку Игореве» в оригинале, но меня завораживала музыка старославянских слов: *«Не лепо ли ны бяшетъ, братие, начати старымо словесы трудных повестий о полку Игореве, Игоря Святеславлича! Начати же ся той песни по былинам сего времени, а не по замышлению бояню!»* Тем более что тексты как-то сами укладывались в голове.

По дороге в парк, на Ленинской, которую молодежь называла Бродвеем, я встретил Юрку Богданова в светлом распахнутом плаще и в узких до щиколоток брюках, из-под которых выглядывали красные носки. На голове сидела светло-коричневая фетровая шляпа, чуть сдвинутая набок.

– Не боишься, что брючки дружинники подрежут? –

усмехнулся я, оглядывая Юркин прикид². – Они теперь с ножницами ходят.

– Всем не подрежут, – отмахнулся Юрка. – Резалка отвалится.

– Рэму подрезали, – напомнил я.

Рэм, самый модный парень на Бродвее, ходил с тростью, где-то доставал яркие галстуки с пальмами, носки самой немыслимой расцветки; пиджаки, которые он носил на пару размеров больше, свисали с плеч, но делали фигуру значительной. Чаще вместо галстука Рэм носил бабочку, а на голове вместо обычной стрижки под бокс красовался взбитый и набриолиненный кок. Смуглость лица и смоляного цвета волосы придавали Рэму романтичности и какого-то заграничного шика.

– Рэм – идейный стилига и фарцовщик, а я просто дозировано следую моде, потому как убежден, что в человеке все должно быть прекрасно, – ничуть не рисуясь, сказал Юрка. – Да и не все дружинники придурки, – добавил он.

– Ага, а Линду остригли умные, – не согласился я.

– Линду остригли в милиции, а дружинники только привели ее туда, – заступился за дружинников Юрка. – А ты знаешь хоть, за что?

– Знаю, – сказал я. – Но это не дает никому права измываться над человеком, тем более женщиной.

– Шлюхой! – презрительно бросил Юрка.

² Прикид — на молодежном сленге — модная одежда.

– А шлюха – не человек?

– Может быть и человек. Только шлюха, – стоял на своем Юрка, и я не стал спорить.

Линда, молодая, довольно привлекательная, с роскошными формами женщина лет двадцати шести или двадцати восьми, успевшая два раза выйти замуж и два раза развестись, то ли обладала гиперсексуальным влечением, то ли разочарование в мужчинах активно толкало ее на любовные приключения, только на Бродвее знали, что она доступна. Дружинники поймали ее в гостинице и вывели из номера, застав, можно сказать, с поличным. Общественность узнала, что девушка вечером ходит по мужским номерам и предлагает «сыграть в шахматишки». Правда, шахматной доски у нее никто не видел.

На ступеньках лестницы к кинотеатру «Победа» кучно сидела молодежь. Сидеть на ступеньках лестниц стали после какого-то итальянского фильма. Говорят, на Западе эта традиция существует давно. Как только наступает весна и каменные ступеньки прогреет солнышко, так и усыпают лестницы, как грачи парковые деревья, устраиваясь на ночлег.

– Задницы морозят, – заметил Юрка. – Еще летом, куда ни шло.

– Да еще не холодно, – не согласился я.

Парк выглядел многолюдно. На танцверанде гремел духовой оркестр, хотя до Ленинской доносился только глухой барабанный бой: сама мелодия увязала где-то в предпарковой

аллее, словно запутываясь в мощных кронах ее раскидистых каштанов. Когда оркестр умолкал, из глубины парка тихо доносился голос какой-то певицы, а из бильярдной – костяной стук шаров.

За решетчатой оградой танцплощадки, к которой вела лестница с несколькими ступеньками, в такт музыке колыхалась разноцветная масса танцующих, и их головы ритмично прыгали вверх-вниз.

Сорокин предложил зайти в открытое кафе и отметить возвращение в городскую цивилизацию. Никто не возражал.

Мы шли мимо эстрады, где на скамейках сидело человек десять зрителей и, чтобы посмотреть на действие, которое совершалось на сцене, остановились. Невысокого роста парень, стоя спиной к зрителям, читал стихи:

*Своенравный, в легкой поступи,
Широко расправив плечи,
Со звездою в звездной россыпи
Ветер тщетно ищет встречи.*

Я плохо расслышал следующий куплет. Что-то про бесплодие мечтаний, потому что ни одна звезда ветер не очаровала.

Неожиданно чтец резко повернулся лицом к зрителям. Слова зазвучали более отчетливо, и чтец закончил грустно:

*Что за толк, что многих множество,
Разбросала звезд вселенная...
В каждой скрытое убожество
Видит ветер неперенное.*

Раздались жидкие аплодисменты. Читал он хорошо. Народу прибавлялось. Мы стояли и слушали.

*Опять весна и хочется до боли
Открыть окно и выброситься в сад,
Чтоб хоть на миг в отчаянном безволье
Облапить ее терпкий аромат.*

*Чтоб распластаться в чувственном объятье
Со свежестью взволнованной земли,
Сорвать из трав мешающее платье,
Чтоб губы тело целовать могли.*

Вдруг раздался милицейский свисток. Кто-то из зрителей крикнул в сторону чтеца: «Атас! Парень, беги!» и тот резво спрыгнул со сцены и дунул в сторону от бежавших к эстраде дружинников и милиционера.

– Это Валерка Покровский с физмата, с нашего курса, – сказал Юрка.

– А зачем милиция-то? – недоуменно спросил я. –

В Москве сейчас читают стихи у памятника Маяковскому³, и никто их не гоняет.

– А мы с тобой, Володя, не в Москве.

– Понял. *Quod licet Jovi, non licet bovi*, – сказал я.

– Во-во! Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку, – согласился Слава Сорокин. – Помяни мое слово, эту лавочку прикроют и в столице.

Недалеко от кафе, мы встретили гуляющих под руку моих одноклассниц – первокурсниц Свету Новикову, Таню Савину и Галю Загоруйко.

В колхозе мы видели их лишь в простых рабочих одеждах, а здесь они предстали во всей своей красе. Платья колокольчиком, волосы с начесом, туфельки – лодочки на каблучках.

Струков тут же решил: «Все идем в кафе!» Девушки замялись, но Слава Сорокин строго сказал:

– Без возражений!

Девчонки покорно пошли с нами.

Не успели мы сесть за сдвинутые столики, как к нашей компании подошла Алина Сомова.

Юрка окинул Алинку оценивающим взглядом, а я поспешил отвести глаза, чтобы скрыть неловкость. Светлые брюки плотно облегли ее полные, но, не смею врать, стройные ноги, которые открывало расстегнутое легкое ярко-красное короткое пальто; начесанные волосы отдавали откровенным

³ К 1961 году «Маяковские чтения» прекратили свое существование, как «рассадник диссидентов и антиобщественного поведения»

чернильно-фиолетовым цветом, а губы прятались за жирным слоем сиреневой помады. Наши первокурсницы с ревнивым любопытством смотрели на Лину. Они еще не отошли от строгих устоев средней школы, и им было в диковинку видеть до такой степени раскрепостившуюся студентку.

– Привет, мэны, – сказала Алина, светясь как лампочка Ильича. – А мы сидим, скучаем. Можно мы к вам?

– А ты с кем?

– С другом, – игриво сощурила глазки Алина.

– А он кто? – спросил Струков.

– Да француз.

– А-а, – не удивился Слава Сорокин.

В селе Отрадном французы по своему проекту строили сахарный завод, и две студентки с иныза проходили там практику, работая в качестве переводчиц.

Мы посмотрели в угол, куда показала Алина. Там сидел мужчина лет тридцати пяти в очках и модной темно-коричневой дубленке, которую могли себе позволить только иностранцы.

– Валяйте, – разрешил Струков.

Алинкин друг оказался приятным в общении дядькой, немного говорил по-русски, пытался шутить и даже с помощью Алины рассказал анекдот: «Один французский журнал для мужчин объявил конкурс на лучшее описание своего утра. Первое место занял автор такого произведения: «Я встаю, завтракаю, одеваюсь и еду домой», который заставил

покраснеть наших первокурсниц, хотя они пытались сделать вид, что и не такое слышали, а когда у нас кончилось вино, потому что кончились деньги, француз щедро заказал еще выпивку и закуску.

Я никогда не пил вина. Вкус вина знал, потому что дома, когда отмечали праздники, я, уже старшеклассник, мог пригубить из бокала, сделав глоток, другой. Но здесь все пили, вино лилось рекой, и я, неискушенный в застольных сидениях, незаметно пьянел. Голова кружилась от вина и от ощущения свободы, которую я обрел с поступлением в институт. Потом все смешалось: я плохо различал слова, которые говорились за столом, все сливалось в один сплошной гомон. Куда-то делись наши девочки. Последнее, что я помню – потусторонний женский голос, который произнес: «Вьюноша нужно домой проводить, а то мильтоны заберут»...

Утром мать смотрела на меня укоризненно и, покачивая головой, сказала: «Тебя вчера Юра Богданов привел... Тоже был хорош». Я стыдливо прятал глаза, и отец постарался все обратить в шутку: «С посвящением в студенческую жизнь!» – произнес он и ехидно пропел:

*Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus*

Глава 4

Студенческая тусовка⁴ и новые знакомые. Больная голова Лики Токаревой. «Музыка на костях». Паранормальные явления – вымысел и реальность. О «чудесном» исцелении несколько лет назад. Буги-вуги.

После лекций ко мне подошел Валерка Покровский, тот который читал стихи в парке и которого гоняла милиция.

– Привет, чувак! Я Валерка. Ты правда «Слово о полку» наизусть знаешь?

– Кто тебе сказал? – усмехнулся я, оглядывая нового знакомого.

– Юрка Богданов. Вы с ним в колхозе были.

– Знаю, только в прозаическом переводе, – не стал отрицать я.

– А что, какой-то еще есть? – удивился Валерка.

– Есть стихотворные. Например, Державина и Николая Заболоцкого.

– Ладно, – смутился вдруг Валерка. – Мы – математики. Нам не знать этого не зазорно.

– Да это знать и не обязательно, – простодушно сказал я. – Это я сдуру, память тренировал.

⁴ **Тусовка, туса** (сленг) – мероприятие, например, вечеринка; компания, а также место общения.

– Тебя Володькой зовут? – запоздало спросил Валерка.

– Извини. Не представился.

– Я чего подошел-то, – сказал Валерка. – У нас приличная компания образовалась... Приходи вечером. Сегодня у Машки Мироновой, из нашей тусовки, собираемся.

– Ладно, – согласился я. – Диктуй адрес.

Валерка назвал адрес.

– Это ты стихи позавчера в парке читал? – захотел уточнить я.

– А что, плохо?

– Да нет, здорово! Стихи твои?

– Не, это Алик Есаков! Наш чувак. Придешь, познакомишься.

– А Юрка Богданов будет? – спросил я, рассчитывая, что в компании встречу хоть одного знакомого.

– Не, он как-то сам по себе. – Они больше с Ляксой. Оба чернокнижники.

– С какой ляксой? – не понял я.

– Да с Аликом Тарасом с третьего курса филфака...

– А почему чернокнижники? Колдуны, что-ли? – усмеялся я несуразному «чернокнижники».

– Почему колдуны? – удивился Валерка. – Просто они на книгах повернуты, а книги где-то достают такие, которых и в библиотеке не возьмешь.

Вечером я пошел к дому, где жила Маша Миронова. Домом оказалось двухэтажное кирпичное строение дореволю-

ционных лет, типичное для старой улицы города.

Я поднялся по каменной обшарпанной лестнице на второй этаж и безошибочно нашел нужную квартиру по голосам, которые доносились до первого этажа. Звонка я не нашел. На стук никто не отозвался, и открыли мне дверь, когда я погрохал кулаком по косяку обитой дерматином двери, в порезах которой торчали клоки ваты.

– Ты Володя? – спросила русоволосая девушка с серыми глазами, в белой ситцевой кофточке. Я догадался, что это и есть Маша. Волосы ее перетягивала розовая лента под цвет пояса пышной чуть ниже колен юбки, на ногах сидели красные туфли-лодочки на небольшом каблучке, и её вид как-то даже до неприличия не соответствовал убогости жилья.

Входная дверь вела сразу в комнату, которая служила и залой, и спальней, и кухней. Печка топилась, и огонь весело плясал на поленьях открытой топки причудливыми языками пламени. На дощатом полу стояли чем-то наполненные мешки, на низких скамеечках сидели две бабульки и резали мелкие яблоки на компот или варенье.

Не дожидаясь ответа, Маша провела меня в маленькую комнатенку, где яблоку было негде упасть. Народ сидел на кровати, на двух табуретках у небольшого стола, приставленного к стенке, и просто на полу. Я растерянно стоял у дверей, пока меня ни усадили на одну из табуреток, с которой согнали долговязого юношу со сломанным носом.

– Вов, – уступи место тезке, – сказал Валерка Покровский

долговязому. Тот послушно встал и уселся на подоконник, потеснив сидевшую там миниатюрную черноволосую девушку.

На столе стояли полупустые и еще не начатые бутылки портвейна «три семерки», граненые стаканы, бутерброды с сыром и яблоки. На полу разместилась радиола «Аврора» и на диске крутилась «музыка на костях».

Звучала песня под оркестр Гленна Миллера. На табуретке лежали пластинки и записи на рентгеновских снимках, то есть «на костях».

*I can see he gun when it`s raining,
Hiding every cloud from my view.*

Нежная мелодия и завораживающий голос Вивьен Доун должны были располагать к неге и расслаблять, навевая сентиментальное настроение.

– Знакомься, чувак! – сказал Валерка и представил всех по очереди:

– Вовка Забелин, учится на биофаке. Поступал на филфак, но не добрал баллов.

– Да ладно, хорошо хоть так, – подмигнул мне Вовка. – У меня аттестат-то так себе, даже тройка есть.

– Зато предок – генерал, – лениво отметил Валерка.

– Причем здесь предок? – обиделся Вовка. – Во-первых, генерал в отставке, во-вторых, он за меня экзамены что-ли

сдавать будет?

– Маша. Учится с нами на физмате, – представил Валерка хозяйку квартиры.

– Это вы учитесь со мной, – серьезно ответила Маша.

– Есаков Алик – с нашего курса, поэт. Это за его стихи меня турнули мильтоны.

Алик Есаков, худощавый, невысокого роста, с коротким не по моде ежиком жестких волос, но в модном свитере с оленями и узких брюках, встал и шутливо по белоофицерски, только что не щелкнув каблуками, коротко кивнул.

Лица Токарева, та что сидела на подоконнике, оказалась дочерью зампреда недавно созданного территориального Совнархоза.

– Не повезло чувихе. Если б предка не перевели к нам, училась бы в Москве, – прокомментировал Валерка.

– Леран, поступал на наш факультет, перевелся на истфак, – показал на высокого юношу Валерка. – Баскетболист. В институтской сборной.

– У нас учиться нужно, а на истфаке можно от сессии до сессии баклуши бить, – пошутил Алик.

– Не хуже других учился, – огрызнулся Леран. – Только не мое это. Я историю люблю. Ведь даже иностранцы восхищались нашей историей. Шлёцер сказал: «...покажите мне историю, которая превосходила бы или только равнялась бы с Русскою!»

– Ну, понесло! – отмахнулся от Лерана Валерка и доба-

вил: – Леранова мать, Зинаида Николаевна, доцент, у нас педагогику преподает... Кстати, в нашей компании еще один баскетболист есть, Олег Гончар, вместе с Лераном на истфаке учится. Только сам он не местный. Из Кургана. Приехал на юношеский чемпионат России по баскетболу во время вступительных экзаменов, ну, его и уговорили у нас остаться. В институт его без проблем взяли, он же и в юношеской российской сборной. Клевый чувак, и башка варит. Учит нас на гитаре играть.

– Забыл про Милу, – Валерка прижал обе руки к груди. – Мила Корнеева, первый курс филфака.

На кровати рядом с Машей Мироновой сидела темноволосяя красавица с синими глазами с поволокой и лебединой шеей, которую открывала расстегнутая на верхнюю пуговицу блузка.

Красавица слегка улыбнулась, даже не улыбнулась, а как бы обозначила улыбку.

– А теперь, пипл, давайте бухнем за знакомство, а то бухло прокиснет.

Я от вина отказался: мой организм помнил гульбу в кафе, и от одного вида булькающего вина к горлу подкатывали спазмы, о чем я честно поведал компании.

Не стала пить и Лика, сославшись на головную боль: она тихо сидела на подоконнике с болезненно-бледным лицом.

– Сильно болит? – спросил я Лику. Она ничего не ответила, только чуть скривила лицо, показывая, что ей не до раз-

говоров.

– Сейчас пройдет, – сказал я. – Я умею делать это.

Лица недоверчиво посмотрела на меня и натянуто улыбнулась.

– Где чувствуешь боль? В затылке?

– Да, в затылке, – подтвердила Лица.

Раньше я мог по цвету свечения безошибочно определить, где находится очаг недуга. Сейчас я свечения не видел, хотя каким-то образом ко мне приходило ощущение, откуда исходит эта боль и где она проявляется с большей силой.

Я стал потирать ладони, пока не почувствовал, что в них появилось характерное тепло. Ощувив в пальцах легкое покалывание, приступил к лечению.

– Сиди тихо, – скомандовал я, когда Лица отшатнулась всем телом от моих рук, поднесенных к ее голове. Она подчинилась, но лицо ее выражало недоумение. Я привычно сделал несколько пасов. Волосы, как намагниченные, стали шевелиться и змеями тянуться к моим ладоням. Когда по выражению лица Лики понял, что боль отступает, я подержал руки еще некоторое время над её головой. Все это заняло у меня не больше трех-четырех минут.

– Как ты это делаешь? – спросила Лица. – Неужели такое возможно?

– Ну, ты же сама видишь. Голова ведь не болит?

На лице девушки теперь играл легкий румянец.

– Народ! – Лица, пытаясь привлечь внимание компании,

соскочила с подоконника. – Маш, Валер! Представляете, Володя вылечил мне голову.

– Как это вылечил? – повернулась к Лике Маша.

– Руками! – улыбаясь сказала Лика.

– То-то я смотрю, чегой-то он тебе по голове руками хлопает, – заметил Леран. – Думаю: что за фигня? – Правда, что-ли, вылечил? – обратился он ко мне.

– Ничего особенного, – пожал я плечами, – многие умеют это делать.

– Не скажи! – покачал головой Алик Есаков. – Что-то я не слышал, что многие умеют лечить руками. Тогда бы все ходили со здоровой башкой, и никто бы на головную боль не жаловался.

– Давай, рассказывай, – потребовал Валерка.

– А что рассказывать? О бесконтактном лечении люди знали еще со времен древних волхвов... У меня от природы хорошая биоэнергетика... Так объясняют ученые.

– Это называется паранормальным явлением, – сказала Лина.

– Лечение энергией рук – это не паранормальное явление. Паранормальное явление – это другое. Например, телепатия, ясновидение или телекинез...

– Я смотрю, ты этим серьезно интересуешься, – сделал вывод Леран.

– Да, мне это интересно.

– Шарлатанство настоящее. Телекинез, ясновидение, баб-

ка надвое сказала, – скептически протянул Вовка Забелин. – Давайте лучше дринкнем, а всю вашу психологию – к черту.

– Нет, подожди, – отмахнулся от Вовки Алик Есаков, — вот я был на сеансе Михаила Куни. Он показывал интересные вещи. Например, перемножал четырехзначные числа, написанные на доске, которая вращалась так, что нормальному человеку рассмотреть невозможно... Или ему читали несколько десятков слов, и он повторял их без ошибки с начала и с конца. Потом рассыпали на пол спички из коробка, и он, не задумываясь, точно называл их количество.

– Алик, это просто хорошая память и концентрация внимания, а не паронормальное явление... Не хочу показаться бароном Мюнхгаузеном, но двадцать слов или даже тридцать я также повторю.

– Фигня! Не верю!

– А давай проверим, – загорелся Леран. – Маш, неси бумагу и карандаш.

Маша Миронова ушла в комнату, где бабки резали яблоки, и вернулась с карандашом и листком тетрадной бумаги. Лика села за стол и под диктовку шепотом стала писать слова. Через несколько минут Лика стала называть мне слова. Слов оказалось ровно двадцать. Я без особого труда назвал по порядку все двадцать слов. Потом назвал слова с конца. Это вызвало бурю эмоций.

– Ну, ты башка! – оценил мои способности Валерка Покровский.

– Ерунда! – не обращая внимание на комплимент моей голове, сказал я. – Куда интереснее, когда Куни показывает владение телепатией. Вот это уже парапсихология, потому что явление за пределами науки... Но еще лучше телепатией владеет Мессинг.

– А откуда ты это знаешь? – спросил Леран.

– Был на сеансах и Мессинга, и Куни.

Я не стал рассказывать, что знаком с Вольфом Григорьевичем Мессингом, да и о своих способностях, которыми раньше обладал, тоже. Вопросы парапсихологии меня по-прежнему занимали, но не хотелось касаться этой темы, потому что явления, связанные с парапсихологией, большинством всё ещё воспринимались как мистика.

– Да, чувак, ты тему знаешь, – Валерка похлопал меня по плечу. – Только прав Вовка, когда говорит про шарлатанство. Не спорю, может быть что-то и есть, что кажется необъяснимым, но это пока – научное объяснение должно быть всему.

– А как же телепатия? А предсказания? Что – шарлатанство? – не выдержала Лика Токарева. – Алик рассказывал, что Куни читал мысли и выполнял мысленные приказы зрителей.

– Давно доказано, что никакой телепатии нет, а то, что показывают артисты, – просто ловкие фокусы.

– Что же есть? – в голосе Маши Мироновой звучали нотки обиды. Похоже, что ей не хотелось расставаться с тайной,

которую несла в себе телепатия.

– Ничего сверхъестественного в телепатии нет. Ваш Куни непосредственно ощущал сигналы, поступающие из мозга в мускулы, когда кто-то давал ему задание. Он же держит его за руку. Мысль от мозга неотделима. А предсказания – это вообще мракобесие! – Можно угадать, но не предсказать. А гадалки так заморочат голову, что невольно поверишь во что угодно. У них тысяча уловок и всегда двоемыслие.

Маша выглядела обиженной, как девочка, у которой отняли игрушку.

– Извини, Валер, но не все так просто, – не удержался я от возражения. – Мессинг, например, писал, что пользуется контактом только потому, что это отнимает меньше времени, но, что ему совершенно все равно, есть у него контакт с кем-то или нет... И потом, как же он, например, при этом складывает цифры номера одного удостоверения и число срока действия другого? А я видел это своими глазами.

Не стал приводить другие доводы в пользу существования телепатии. Я точно знал, что телепатия существует. Телепаты есть и их достаточно много, только они часто скрывают свои способности даже от близких, а многие вообще не сознают у себя эти способности.

– А предсказания? – напомнила Маша.

– Предсказания тоже существуют, – не мог промолчать я. – Ты, Валер, когда говорил о гадалках, то имел ввиду мо-

шенниц, а есть люди, которые известны точными предсказаниями. Например, монах Авель, предсказавший часы смерти Екатерины II и Павла I, нашествие французов и сожжение Москвы...

– Все это, конечно, интересно, – перебил Валерка. – Но ты, Володя, с головой увяз в мистике. Наука признает гипноз, потому что гипноз объясним и укладываются в научно-материалистическую теорию. А все остальное: предсказания, ясновидение – противоречит марксизму, и защищать ясновидение, предсказания и тому подобную чепуху – заблуждение.

Я поймал себя на мысли, что в толковании и защите парапсихологии слишком увлекся и понял, что дальше продолжать не стоит.

– Мама говорила, что несколько лет назад у нас один мальчик вылечил дочь какого-то большого начальника, – неожиданно сказала Маша.

Я насторожился, потому что, скорее всего, здесь имелся в виду я. Но нас с отцом в свое время попросили забыть об этом, и в нашей семье разговор на эту тему стал табу.

– Это, случайно, не про тебя? – в упор спросила Маша.

Я смутился, но твердо ответил:

– Нет. С чего это вдруг?..

История эта случилась много лет назад, не без участия моего дядьки, который служил в одной серьезной организации, и дала нам высокого покровителя в лице её начальника. Это

было немаловажным в то время, когда даже Вольф Мессинг, признанный экстрасенс и телепат, не решался спорить о каком-то явлении, если не мог дать ему научное объяснение.

У генерала была больная дочь. Она проходила курсы лечения в лучших санаториях, ее лечили хорошие врачи. На какое-то время наблюдалось улучшение, но потом девушке становилось хуже. Жена генерала отчаялась до того, что стала возить дочь к знахарям, из-за чего у нее был с мужем скандал.

Мой дядька в эйфории от улучшения состояния здоровья после сеансов, которые я проводил с ним, где-то проболтался о своем «чудесном исцелении» после тяжелого ранения.

Отец про себя ругал моего дядьку за болтливый язык, и на слова о том, что генеральская жена узнала от его шофера о «чудесном исцелении», страстно заверял, что никакого чуда не было, просто я ускорил заживление каких-то остаточных явлений после ранения.

Дочь генерала училась в девятом классе, училась хорошо, но врачи советовали пока оставить школу. Она все больше становилась раздражительной, злобной, стала сторониться людей, ее мучили головные боли, все чаще одолевали приступы меланхолии.

И главное: врачи предполагали, что это, возможно, стало результатом родовой травмы, но все методы, которые они использовали в лечении, не давали ощутимых результатов.

Началось с того, что я очень быстро снял головную

боль, которая мучила девушку постоянно, но знал, что боль на другой же день вернется. Поэтому я решил ввести ее в особое психическое состояние, в которое мог входить сам. Отец знал, что это такое, был против, но я уверил его, что хуже не будет.

Это особое состояние возникало у меня самого не раз без моего участия. Иногда меня погружали в него какие-нибудь ритмичные звуки, которые вызывали музыку, и эта музыка звучала только в моем представлении, но в какой-то момент я начинал физически ощущать её. Она обволакивала сознание, парализуя мою волю, и давала состояние покоя и счастья. И я осознавал, что именно эта музыка уносила меня в неведомые миры, где все причудливо и странно.

Я видел себя со стороны. И я не ощущал страха и не ощущал боли. Вокруг меня плясало белое холодное, но приятное пламя, оно проникало в меня тогда, когда ощущал боль, и сжигала все нездоровое, дурное, что накопилось в теле и душе. Я чувствовал, что во мне идет целительный процесс...

В это состояние я и вводил генеральскую дочь. И это помогло ей освободиться от послеродовой травмы.

Болезнь отступила...

— *Pardon me, boys,*
Is that the Chattanooga Choo-Choo?
Track twenty-nine,

Boy, you can give me a shine⁵, —

запел вдруг проигрыватель хриплым голосом задорную «Chattanooga Choo-Choo» из «Серенады Солнечной долины» под оркестр Гленна Миллера. Это Вовка Забелин поставил очередную запись на рентгеновском снимке.

На пятачок возле радиолы выскочил Леран. Мы с Валеркой отодвинулись вместе с табуретками к стене. Этого оказалось мало, и Валерка задвинул стол в угол, забаррикадировав выход из комнаты. К Лерану тотчас же присоединилась Лика, и они стали показывать такой танец, за который с любой танцплощадки их бы не просто удалили, но и забрали в опорный пункт милиции. Леран подбрасывал Лику, а после поворота на сто восемьдесят градусов ловил, отпускал ее от себя, потом притягивал, а ноги их и головы в такт музыки повторяли движение туземцев дикого племени. Это выглядело непривычно, смешно, но грациозно. Все подбадривали танцоров и дружно аплодировали неожиданному представлению.

Когда выпили всё вино, вволю наговорились ни о чем, послушали новые стихи, которые читал Алик Есаков, стали расходиться.

За все время вечеринки я получил удовольствие разве что от стихов Алика, а больше скучал, но оставался — не хотел

⁵ Эй, друг, постой, Здесь этот Чаттануга Чу-Чу? Путь двадцать пять. Друг, дай тебя мне обнять

обижать хороших ребят, моих однокашников.

Я был другим по психическому складу, человеком некомпанейским, с людьми сходилась трудно, и мне больше грела душу работа кабинетного червя: за книгами, бумагами и размышлениями?

Глава 5

Маша, Алик и сломанный нос Вовки Забелина. Юрка Богданов. Шахматы – давний подарок генерала. Стиляга Рэм и разгильдяй Витя Широков. Юркина библиотека. Родители. Библиофил⁶ Лякса и его редкие книги.

– Домой я шел с Валеркой Покровским, который жил в одном со мной районе.

– Валер, – спросил я. – А что у Машки квартира так запущена? Сама выглядит на тыщу долларов, а квартира – сарай...

– Да ты за Маху не беспокойся. Она в порядке. Живет у своей бабки, а бабка с сестрой. Ты их видел, когда пришел. Они в ее дела не лезут. Ходят за грибами, да за дикими грибами, яблоки трясут и компоты варят. Вообще всякую дрянь собирают вроде шиповника, травы какие-то. Нам они тоже не мешают. А родители Махи в Германии. Маха сама не захотела уезжать из Союза. В общем, все жирно, в тему... Там бедный один я.

– А Алик?

– А что Алик? Папа был директором какого-то крупного комбината, в Сибири, что ли. Сейчас не удел – видно, где-

⁶ **Библиофильство, библиофилия** – буквально: любовь к книгам. *Библиофил* – человек, собирающий редкие и ценные издания

то проштрафился. Да такие не тонут. Помаринуют-помаринуют, да и определяют куда-нибудь на хорошее место, когда весь шум уляжется. Связи-то, наверно, остались.

Валерка замолчал, как-то сник, потом сказал бодрым тоном:

– Да что нам папа, мама. Алик свой чувак в доску. Вот это главное... Да мы, вся компания – бразеры⁷, свои чуваки...

– А чего у Вовки Забелина нос кривой?

Валерка засмеялся.

– Это – история. Вовка нос где-то спьяну сломал. Говорит, на улице упал. Пришел к Махе, кровь течет, весь перемазался. У Махи сидели я и Алик Есаков. Мы кровь кое-как остановили и отвели его в травмпункт. Там ему нос вправили. А через день Вовка, уже трезвый, споткнулся обо что-то у себя в подъезде, полетел с лестницы, и опять носу не повезло. Нос он свернул, только в травмпункт больше не пошел. Так теперь и ходит.

– Не понимаю, – удивился я. – Чего ходить с кривым носом, если можно поправить!

– Боится. Мы ему говорим – он, вроде, соглашается, да все никак не соберется. Спьяну-то море по колено, а у трезвого страх и тысяча сомнений.

На Степана Разина я свернул в свою сторону, а Валерка пошел в другую, куда-то на Курскую...

Дома меня ждал сюрприз. В нашей небольшой комнатке,

⁷ Братья (от англ. Brother – брат).

которую мать называла залом, что в отрочестве у меня вызывало протест, потому что тесная комната четырех метров в длину и трех в ширину, темная от разросшихся кустов сирени в палисаднике за окном, мало соответствовала моим представлениям о залах. Зал был у генерала, дочери которой я смог помочь. Помню, как был поражен богатством генеральской квартиры, когда мы с отцом ступили за порог особняка и оказались в прихожей, по размеру не меньше всей жилплощади нашей семьи. И зал – огромная комната с высоким лепным потолком и роялем...

У нас был гость – Юрка Богданов. Играл с моим отцом в шахматы и чувствовал себя как дома. Я поздоровался с Юркой. «Погоди, старик, – отмахнулся он от меня как от назойливой мухи. – Здесь интересная позиция получается». И он уткнулся в доску, словно меня и не было. Получив мат, Юрка отвесил комплимент моему отцу, встал из-за стола и, наконец, удостоил меня своим вниманием:

– Пойдем, чувак, пройдемся по Бродвею.

– Да он же только пришел, – вошла в зал мать. – Уж скоро спать ложиться, а вы гулять.

– Да что вы, Александра Петровна, какое «спать» – время детское. Мы часок. Пройдемся по Ленинской, то бишь, Бродвею, зайдем ко мне. Я Володю с родителями познакомлю. А то они всё: «Юра, ты хоть бы познакомил нас со своим другом как-нибудь».

Я с удивлением узнал, что, оказывается, я – Юркин друг.

– У меня чай с малиновым вареньем, – запоздалый голос матери догнал нас, когда мы уже были у двери.

– В другой раз с удовольствием, – отозвался Юрка.

– Слушай, чувак, откуда у вас такие шахматы? – спросил Юрка, когда мы вышли из дома.

– А чего ж ты у отца не спросил?

– Спросил.

– И что?

– Сказал, подарок.

– Подарок и есть.

И дальше я предпочел насчет подарка не распространяться.

Юрка понял, но счел нужным заключить:

– Ценный подарочек.

Подарок был, конечно, знатный. Мысль меня как-то сама перенесла в то время, когда мы с отцом оказались невольными заложниками ситуации, из которой выпутались, как считал отец, только чудом.

Помню, как вскоре после того, как излечил генеральскую дочь, её отец прислал за нами машину. Приняли как дорогих гостей. Нас с матушкой провели в комнату девушки, а отца генерал увел к себе в кабинет, куда их домработница Варя принесла закуску. Сидели они там долго. А на следующий день шофер генерала, Фаддея Семеновича, привез аккуратный сверток. Когда мы сняли шуршащую пергаментную бумагу, под ней оказались шахматы. Шахматная доска привле-

кала инкрустацией янтарем и малахитом, а шахматные фигуры из слоновой кости и черного дерева изображали войско. Король и королева – шах и шахиня, на боевом слоне – погонщик, на коне – арабский наездник, ладьи изображали крепостные башни, а пешки – индийских солдат со щитами и копьями. Отец с восторгом разглядывал фигуры, был смущен и не знал, как поступить с подарком. Вернуть, значило обидеть хозяина. И оставить неловко. Будет похоже, что Милу лечили из корысти. Отец тогда собирался поговорить с генералом или с его женой Кирой Валерьяновной. Поговорил или нет, мне неизвестно, но, в любом случае, шахматы остались у нас.

Вот такой это был подарок...

– Ну и как тебе компания? – вывел меня из задумчивости Юрка

– Да ничего. Хорошие ребята. А ты откуда знаешь, где я был?

– Сорока на хвосте принесла, – засмеялся Юрка. – Да все просто, – добавил он, заметив, что мне неприятна его осведомленность. Это отдавало каким-то мелкообывательским душком сплетни. – Мне Олег Гончар сказал. Сам он на вашу тусу пойти не смог.

Юрка помолчал и спросил:

– А как тебе Маша Миронова?

– Хорошая девочка. А что? – покосился я на Юрку.

– Она мне нравится, – серьезно сказал Юрка. – Задру-

житься хочу.

– А чего ж ты не пошел к ним? У них там весело, – усмехнулся я, вспомнив «Чучу» на рентгеновском снимке.

– Я сказал, что мне Маша нравится, но не сказал, что нравится компания...

Мы вышли на Ленинскую, где жизнь, казалось, только начиналась.

– Вон Рэм хилает с барухами⁸.

Рэм шел по другой стороне Ленинской с двумя стильными девушками. На ногах у Рэма красовались туфли «на манке⁹». Их носили стилиаги. Только Рэм усовершенствовал свои: когда он ступал на асфальт, от подошвы исходил свет, когда поднимал ногу – свет гас.

– В подошву вставлены лампочки, а в кармане штанов или пиджака – батарейка. Когда он касается подошвой асфальта, цепь замыкается, и лампочка загорается, – пояснил Юрка, хотя принцип был прост и любому пацану понятен.

Мимо нас медленно проехала бежевая «Победа», набитая молодыми людьми. Они высывались из открытых окон и шумно здоровались со знакомыми.

– Это известный придурок Витя Широков, – отрекомендовал владельца машины Юрка. – Машина папина. Папа

⁸ **Баруха (боруха)** – на молодежном сленге: девушка, придерживающаяся свободных взглядов относительно общения с парнями.

⁹ **«Манка»** – толстая белая микропористая подошва. Туфли на такой подошве считались модными в конце 50- гг.

приехал к нам на ПМЖ с Урала, где работал на Авиазаводе главным конструктором. Придурка—сына мать избаловала до ужаса, потому что отцу некогда было драть его ремнем. Когда Витьку забирают в милицию за хулиганство, отец отбирает у него ключи от машины, а мать, как курица-наседка бросается на защиту своего дитяти, упрекая мужа в черствости.

— Сядет, — заключил Юрка. — Недавно балбесы сняли колеса с «Победы» начальника треста очистки. Дело еле замяли. Колеса, конечно, вернули, хотя только этим, я думаю, дело не обошлось... Сядет, точно.

Мимо проплыла черноокая красавица. Невозможно было не обратить на нее внимания. Короткая стрижка черных волос оттеняла матовость лица. Разрез губ, разлет бровей — все вылеплено идеально и неотразимо.

— Элька Скачко, — заметил мое замешательство Юрка. — Хороша, только ножки подкачали. Обратил внимание, что у нее юбочка сильно ниже колен? Это она изъян прикрывает.

— А что у нее с ногами не так? — удивился я.

А ты не заметил? Кривые, как у кавалериста. Но вокруг нее все равно хвост воздыхателей, чуваки роем выются. Видно, брат, в этом случае главное не ноги и не голова, а смазливая мордашка.

— Что, тоже боруха?

— Да нет, скрипачка. На третьем курсе музучилища учится и в «Победе» в оркестре играет.

Вскоре мы свернули и вышли к небольшому переулку, который упирался в обрывистый берег Орлика.

Юрка жил с отцом и матерью в деревянном двухэтажном доме с двумя подъездами на четыре семьи. Мы поднялись по шаткой деревянной лестнице на второй этаж. В прихожую вышла мать, немолодая маленькая женщина. Увидела, что сын с товарищем, засуетилась.

– Пришли? Вот хорошо-то. А это Вова? Дома-то оно лучше. А то все какие-то дела. Ну, идите, идите к Юрику в комнату, а я щас.

Мать Юрки как-то тихо исчезла, а мы пошли в его комнату. Квартирка размерами не отличалась. Еще одна комнатка служила спальней для Юркиных родителей и одновременно кабинетом для отца, Петра Дмитриевича, доцента математического факультета машиностроительно-го института.

– Даже не представил меня матери, – посетовал я.

– А чего представлять? Она про тебя и так знает. – Наталья Дмитриевна ее зовут.

Я пожал плечами. В дверь постучалась, как поскреблась, и вошла Наталия Дмитриевна.

– А я вам щас спиртику по рюмочке налью, – заговорщически зашептала она, оглядываясь на дверь.

– Да ты что, мам! Какой спиртик, время позднее. Посидим чуть, да разойдемся.

– Ну ладно, ладно. Это я так. Тогда щас чаю принесу с печеньем.

– И чаю не надо. Дай нам лучше спокойно посидеть, да поговорить.

– Ладно, ладно, – Наталия Дмитриевна замахала руками и на цыпочках ушла, опять же тихо закрывая дверь.

В Юркиной комнате стояла металлическая кровать, письменный стол и три книжных шкафа. В углу комнаты, у дверей я заметил двухпудовую гирию и тяжелые, наверно, пятикилограммовые гантели. Мимо книг я пройти не мог и стал разглядывать корешки томов, которые заполняли шкафы, едва умещаясь в два ряда. Здесь стояли сочинения классиков, русских и зарубежных, больше зарубежных: с Толстым, Чеховым и Гоголем соседствовали Бальзак, Мериме, Золя, Пруст, немцы Фейхтвангер, Леонгард Франк, много американцев и среди них Брет Гарт, которого я любил не меньше Марка Твена или нашего Чехова, Сэлинджер, Драйзер, Фолкнер, Фицджеральд, Синклер. Меня удивило, что в Юркиной библиотеке был Кнут Гамсун, которого не многие знали и который у нас считался автором нежелательным. Это закономерно из-за его симпатий к нацистам. Я знал, что его в России сейчас не издают, но Юркина гамсуновская повесть «Голод» в переводе Блока датировалась 1903-м годом издания.

– Юр, у тебя очень приличная библиотека, – искренне польстил я.

– Да, кое-что есть, – скромно согласился Юрка. – Кстати, у вас тоже книги клевые. Твой отец разрешил мне полазить

по стеллажам. У вас, я заметил, много книг по психологии, философская и эзотерическая литература. Это отец или ты?

– И отец, и я, – не стал жеманиться я.

– Это как-то связано с твоими психическими отклонениями? – в лоб спросил Юрка

– Почему психическими и почему отклонениями? – обиделся я.

– Да отец говорил, что в детстве у тебя было какое-то особое восприятие, что-то ты не так видел, какая-то особая энергетика, и вы с отцом пытались объяснить это с помощью науки.

– Ничего необычного. Да, в детстве и юности я иногда видел то, чего не видят другие. Теперь это прошло... Не хочу об этом говорить.

Я действительно не хотел вспоминать то время, когда во мне открывалась живительная сила. Мать говорила, что это появилось после того, как меня маленького зашибла лошадь, и я лежал без сознания и был при смерти. Я этого не помнил, но, мне кажется, я всегда обладал способностью снять чужую боль, заживить рану, погрузить человека в сон. А еще я умел отключать свое сознание и тогда видел странные вещи, которые происходили где-то не в моем мире. Вдруг появлялись и начинали мелькать замысловатые рисунки и знаки, которые я воспринимал, но не мог понять и объяснить. Я видел диковинное. И сны я видел яркие и тоже очень странные. Бабушка Василина, когда мы ездили к ней

в деревню, говорила, что сны мои вещие, только не всем их дано разгадать. Отец на это хмурился, но бабушку не разубеждал...

– Ну, не хочешь, так не хочешь, – не стал настаивать Юрка. – Пошли, я тебя с Ляксой познакомлю. Вот у кого книги! Я посмотрел на часы.

– Да мы на минутку. Лякса под нами живет, – заверил Юрка.

– Мам, мы ушли, – крикнул он, когда вышли в прихожую. Мгновенно появилась Наталья Дмитриевна. Вслед за ней вышел отец Юрки, Петр Дмитриевич.

– Юра, ты недолго, – напуская на себя строгость, наказала Наталья Дмитриевна. – А ты, Вова, заходи к нам почаще.

– Петр Дмитрич, это Вова, Юрин товарищ, – отрекомендовала Наталья Дмитриевна меня мужу.

– Рад, что у оболтуса появился товарищ, – пробубнил Петр Дмитриевич.

– Ты, давай, не шастай по городу, а больше занимайся, – строго заметил он сыну.

– Что ты, что ты, Петр Дмитрич! Он и так высох весь от этих занятий. Вова какой ладный, а наш – в чем душа держится.

Петр Дмитриевич что-то пробубнил невнятное и ушел к себе.

Был он ростом пониже Юрки, худощавого сложения, с аскетическим лицом и маленькими аристократическими рука-

ми с изящными пальцами. «Как у пианиста или скрипача, – подсознательно отметил я. – У Юрки такие же». Сам Юрка роста был выше среднего, спортивный, широкоплечий с накачанными мышцами; в нем, казалось, не осталось ни капли жира, и потому он казался худее, чем был.

У Алика Тарасова квартира оказалась копией квартиры Богдановых, но жил он вдвоем с матерью, врачом Скорой помощи. Отец погиб в конце войны на подступах к Берлину. Когда Юрка познакомил меня с Аликом, и тот, назвав себя, из вежливости проговорил обычное «приятно познакомиться», я понял, почему его прозвали Ляксой. В разговоре слова с буквой «р» катались у него во рту как галушки в сметане. Хотя для этого смешного прозвища могли быть и другие поводы. Даль объясняет слово «лякать» как южное «пугать», «лякаться» – пугаться, а «лякс» – пугливый человек, а в английском языке слово «lax» переводится как «вялый», «слабый», «нерешительный». Все это соответствует характеру Алика, парня с робким взглядом умных и настороженных глаз.

Алика мы застали дома одного, мать дежурила на скорой помощи. В комнате Алика всю стену от двери до окна занимали книжные шкафы, заполненные, а лучше сказать, забитые книгами. Но меня не интересовал классический набор собраний сочинений, и длинные ряды известных авторов. Зато я жадными руками брал старинные фолианты, держал их и листал, проникаясь благоговением к именам

давно ушедших писателей, составивших славу «золотого века» литературы. Здесь был В. П. Мещерский в пяти томах 1879 года издания, Жуковский в четырёх томах 1895 года, издательства Глазунова, сборник стихов Андрея Белого «Золото в лазури», 1904 года, и двухтомник Аполлона Майкова 1914 года, изданного Марксом приложением к «Ниве», а еще «История цивилизации Англии» Бокля. Я с интересом разглядывал «Детский географический атлас» аббата Прево, 1767 года и понял, что к Алику я теперь еще не раз загляну, тем более, что у него есть и эзотерическая литература, которую просто необходимо посмотреть. А зелененькую книжечку П. Д. Успенского «Четвертое измерение» второго издания 1914 года я робко выпросил, чтобы взять на денёк домой.

Алик, скорее от скуки, увязался провожать меня вместе с Юркой.

Ленинская все еще жила растревоженным муравейником, хотя народу стало меньше, чем час назад. Зато Московская выглядела малолюдной, и только полупустые трамваи нарушали ночную тишину.

На перекрестке Московской и Степана Разина мы расстались.

Глава 6

Латинский, препод Зыцерь и Цицерон. Дома у Зыцеры. Язык и культура басков. Переводы с английского. Зыцерь поощряет мои попытки писать прозу. Мила Корнеева. Флюиды любви.

Языки давались мне легко, и я уже к концу первого семестра понимал английскую речь, кое-как говорил, ревностно взялся за Диккенса на английском. Читал, продираясь через трудный в оригинале язык, постепенно проникаясь уважением к добру и человечности его героев и получая удовольствие от языка, пронизанного юмором романа «Домби и сын» с его протестом против бесчеловечности общества и любовью к простому, но честному и трудолюбивому человеку.

Я понял Толстого, когда он, предвкушая удовольствие от чтения Диккенса, говорил своим домашним: «Там он сидит в моей комнате, дожидается меня. Как хорошо. Он любит слабых и бедных и везде презирает богатых»...

Латинский и языкознание нам преподавал Юрий Владимирович Зыцерь. Был он молод, вряд ли старше тридцати лет, и тянулся к нам, стараясь стереть грань статуса преподавателя и студента. Зыцерь как-то сразу расположился ко мне, отметив мое некоторое знание латинского. На одном из за-

нятий я на память прочитал небольшой отрывок из первой речи Марка Туллия Цицерона против Луция Сергия Катилины, которую он произнес в сенате: «Quosque tandem abutere, Catelina, patientie nostra? Quam diu etiam furor iste tuos nos eludet? Quem ad finem sese effrenata jactabit audacia?» «Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды?»

Латинский я более-менее освоил, когда пришлось обратиться к анатомии в пору моего отрочества. Тогда в полной мере проявились мои способности к лечению энергией рук, а к речи Цицерона я обратился, как к первоисточнику, который смог найти.

Когда я закончил чтение, Юрий Владимирович просиял и большую часть пары проговорил о Цицероне, о том, что всех речей, дошедших до нас, было 58, а также мы узнали, что Цицерон выступал с обличительной речью против Катилины не только по причине заботы о благе государства, но и по личным мотивам, так как Катилина нанес ему много бед и оскорблений, например. Отсюда и грубые выпады в адрес противника. Хотя это не мешает нам в полной мере воспринимать красоту речи, которая является эталоном классического латинского языка. Недаром Цицерон считается основоположником римской классической прозы...

Как-то, уже ближе к концу семестра, Зычерь пригласил

меня к себе домой. Мы уже довольно свободно общались, хотя я старался соблюдать естественную дистанцию, которая не могла не существовать между преподавателем и студентом. Мы с Юркой Богдановым ходили к Зыцерю на факультатив испанского, который он вел на общественных началах, и даже участвовали в концерте, посвященном сорокалетию Октябрьской революции, который режиссировал наш преподаватель.

– Можно мы с Богдановым придем? – попросил я.

– С Юрой? Конечно, приходите, – разрешил Юрий Владимирович.

Жил Зыцер в четырехэтажном кирпичном доме, построенном специально для профессорско-преподавательского состава в пяти минутах ходьбы от института.

Мы поднялись на третий этаж. Позвонили в квартиру.

Открыл нам Юрий Владимирович. Он провел нас в скромно обставленную комнату. На стене висели полки с книгами. Посреди комнаты стоял круглый стол с двумя стульями, в углу у окна – мягкое кресло с торшером, напротив – диван с круглыми, откидными валиками. На этом диване наш преподаватель, очевидно, и спал.

– Извините за бедность жилья, – улыбаясь, сказал Юрий Владимирович.

– Бедность – не порок, – серьезно изрек Юрка.

– Я бытом заниматься не умею, да и не привык: ведь всё по общежитиям. Сначала университет, потом аспиран-

тура, защита. В аспирантуре, нам с женой выделили комнату. Но опять в общежитии.

– А где жена? – бесцеремонно спросил Юрка.

– Она осталась в Питере, а я вот сюда.

– Что, не поехала, или учиться?

– Не поехала, – развел руками Юрий Владимирович. – Наверно, мордой не вышел, – грустно засмеялся.

Шутка на уровне каламбура, потому что Зыцерь был на редкость некрасив. Узко поставленные мышинные глазки, по-негритянски вывернутые губы, большой мясистый нос, да еще оттопыренные уши. При этом высокий лоб мыслителя и хорошо сложенная фигура атлета. Правда, некрасивость пропадала, когда Зыцерь начинал говорить. Всегда это было образно и интересно. Язык его украшали точные метафоры и меткие сравнения. Так что, через минуту-другую общения никто уже не замечал его оттопыренных ушей и мясистого носа.

– Если честно, то женитьба, это наша с ней общая ошибка. Поженились на третьем курсе. Показалось, что любовь, но, очевидно, нас первоначально связала некая общность взглядов и интересов, которые со временем изменились. Я видел свою жизнь в науке, и быт для меня существовал, как понятие абстрактное и второстепенное, а из нее как-то незаметно выползла, а потом воцарилась мещанская сущность. Я постепенно понял, что это ее истинная натура. Как только я стал зарабатывать какие-то деньги после защиты кандидатской,

пошли разговоры о том, как богато живут Пантелеевы, которых я знать не знал и видеть не видел. Чей-то муж «Москвича» купил, кому-то шубу достали, у кого-то хрусталем вся «Горка» забита. А у меня в голове докторская. Мой предмет увлечения – баски, точнее культура басков. Я же и кандидатскую защищал по баскам, причем, на испанском...

– А как усвоили испанский? – поинтересовался Юрка.

– Ну, во-первых, я в ЛГУ учился на филологическом, где кроме французского факультативно изучал испанский, а разговорный совершенствовал в естественной среде. У моей жены испанские корни. Ее привезли в нашу страну совсем малышкой, а потом в СССР перебрались мать, отец и старшая сестра. Я и в Испании побывал.

– Ладно, ребят. У меня есть вино. По рюмочке? – предложил Владимир Владимирович.

– А давайте! – не отказался Юрка. – Ты как? – повернулся он ко мне. Я пожал плечами

Юрий Владимирович ушел на кухню и вернулся с бутылкой мадеры и тремя гранеными стаканами, потом принес тарелку с конфетами «Мишка на севере» и яблоки в эмалированной миске.

Мы выпили. Юрка взял яблоко, я закусил конфетой.

– Почему об Испании говорят, что это страна басков? Ведь в Испании, насколько я знаю, живут еще кастильцы, галисийцы, другие народности, – блеснул эрудицией Юрка.

– Да, испанцы – потомки многих народов, но вне стра-

ны они все испанцы, хотя внутри такого единства нет. Местный житель назовет себя галисийцем, кастильцем, арагонцем, и так далее, но есть общие черты и для галисийца, и для андалусца, и для других, которые делают их испанцами: гордость, которая, правда, иногда доходит до абсурда, вспыльчивость, честность. Так что, большая часть населения страны считает себя испанцами. 38 миллионов в 17 автономиях.

– А тогда, где баски?

– А баски – это народ, который населяет так называемые баскские земли, расположенные на севере Испании и на юго-западе Франции. Кстати, происхождение басков – одна из самых больших загадок. Тысячелетиями сохраняя национальную самобытность, баски давно утратили единство и независимость, но все семь областей Большой Басконии, в частности испанские Баскония и Наварра, добиваются объединения и стремятся вновь обрести свою Эускади¹⁰.

Последние слова Юрий Владимирович произнес страстно и торжественно, и видно было, что он готов идти на костер как Джордано Бруно из любви к свободолюбивому народу и солидарности с ним.

– Баски только в Испании?

– Нет. Еще в странах Латинской Америки, где их даже больше, чем в Испании. В Испании где-то около 950 тысяч, в Латинской Америке – миллион с четвертью. Одно время обсуждалась гипотеза, что баски – это армяне. Потом выска-

¹⁰ **Эускади** – баскское название «Страна Басков»

зывались мнения, что они – древние грузины, которые с территории нынешней Грузии еще в незапамятные времена переселились на Пиренейский полуостров. Были ученые, считавшие басков выходцами из легендарной Атлантиды. Однако наиболее близким по лексическому и фонетическому значениям к баскскому языку все же приближается грузинский, в частности мингрельский диалект, и я хочу доказать, что Баскско-кавказское родство не только возможно, но все больше становится очевидным. Недаром же вплоть до XVII века грузинские историки называли Страну Басков – Сакартвело, то есть Грузия...

Мы слушали учителя внимательно и наш интерес к истории и культуре этого таинственного и удивительного народа был неподдельным, но, когда Юрий Владимирович увлёкся и стал углубляться в одному ему понятные проблемы теории языкознания, мы почувствовали неловкость: наши знания по этому предмету были не столь обширны, чтобы разобраться в социологических и лингвистических исследованиях учёного.

Как бы спохватившись, Юрий Владимирович перевел разговор на свою студенческую жизнь, и стал рассказывать о городе на Неве, университете, преподавателях и друзьях. Рассказывал весело с юмором, так что мы с Юркой вволю посмеялись, а когда засобирались уходить, Зыцерь вызвался проводить.

Погода стояла морозная и безветренная, серебристый

диск луны застыл на чистом небе, и снег сказочно искрился под ее холодным светом, поскрипывал под ногами. Снегоуборочные машины счищая дорогу, сдвигали снег к тротуарам, и его постепенно увозили самосвалы. Люди шли навстречу или обгоняли нас, а мы неторопливо шагали по тротуару, наслаждаясь чудесным зимним вечером, и вели неспешный разговор, который больше походил на монолог, потому что мы больше слушали учителя, чем говорили сами.

У Красного моста Юрка повернул на Ленинскую, а Юрий Владимирович пошел со мной в мою сторону.

– Володя, – я хотел сказать Вам. – Мне нравятся ваши переводы стихотворений английских поэтов. Это полезное, но, не хочу Вас обидеть, бесперспективное занятие. Ведь вы берете тексты из антологий? Так?

– Так, – согласился я.

– Но в большинстве своем эти стихи уже переведены классиками литературы. Английскую поэзию переводили Жуковский, Бальмонт, Карамзин, Тютчев, Фет, Блок, Брюсов... Впрочем, легче назвать тех, кто не переводил. Пастернак, например, переводил не только пьесы Шекспира, но и стихи Байрона, Шелли. И лучшие переводы Маршака связаны как раз с англоязычной поэзией. Самые лучшие переводы Роберта Бернса принадлежат Маршаку. Он же переводил Блейка и Стивенсона... Вы же не станете отрицать, что соревноваться с ними трудновато?

– Да что Вы, Юрий Владимирович, – стал оправдываться

я. – У меня и мысли такой не было. Это своего рода досуг. Кто-то кроссворды разгадывает, кто-то носки вяжет, а я вот пытаюсь...

– Да Вы, Володя не извиняйтесь. Я же говорю, переводы хорошие и это, как бы сказать помягче, набивает руку, и в определенной степени развивает чувство языка... А Вы не пробовали писать прозу?

– Пытаюсь, – не стал я скрывать свое сокровенное, чувствуя, что краснею.

– Я так и предполагал. Вы не могли бы дать мне что-нибудь прочесть?

– Да это все сырое и требует работы...

– Неважно. Мне кажется, что у Вас должна получаться проза. Может быть, на первых порах я смог бы помочь Вам советом. Так как?

– Хорошо, – согласился я. – У меня есть рассказ, который я могу показать. Но... не судите строго.

Некоторое время мы шли молча. Я заметил, что Юрий Владимирович имел обыкновение неожиданно замыкаться и как-бы уходить в себя. Меня это не напрягало, потому что нечто похожее часто происходило со мной – я ощущал состояние покоя, и не чувствовал дискомфорта.

– Володя, – спросил вдруг Юрий Владимирович, когда мы уже свернули на мою улицу. – Вы знаете Милу Корнееву?

– Знаю. Она из компании Валерки Покровского.

– И как она Вам?

– Красивая девушка, – искренне сказал, – но я в их компании, хотя и бываю, но как-то близко ни с кем не сошелся.

– У нее есть парень?

– По-моему, нет. А что?

– Не знаю, как сказать. Понравилась. Увидел – и как-то запала в душу...

Я вспомнил, что Юрка вот так же спрашивал меня про Машу. Состояние влюбленности было его естественным состоянием. Девушки липли к нему, он их любил, но расставался с ними легко, предпочитая кратковременную связь серьезным отношениям. Девушки появлялись и уходили, а расставания оставались легкими, без взаимных упреков и обид. Хотя мы все тогда хотели любить и любили. В нас сидел инстинкт любви. Флюиды любви формировали какое-то общее для нас биополе. И не было места унынию и печали, и жизнь представлялась прекрасной и вечной.

...У моего дома мы распрощались. Я немного постоял, глядя, как Зыцерь, твердо ступая и чуть сутулясь, растворяется в ночи нашей темной улицы, где нет ни одного фонаря, и только слабый свет из окон одноэтажных деревянных домов чуть обозначает дорогу.

Глава 7

Исключение за «антисоветскую пропаганду». Спор у Ляксы о событиях в Венгрии. Карлейль. Марат, Робеспьер и гильотина.

Алексея Струкова исключили из института за антисоветскую пропаганду. Кто-то донес, что он усомнился в правомерности наших действий в Венгрии. Прямо говорил: «Народ воспользовался своим правом на независимость, а мы в него стреляли».

– Венгрия воевала на стороне фашистов до конца войны, – сказал Юрка. – Там всегда был бардак. Если бы мы не ввели войска, Венгрия не была бы социалистической.

– А это их выбор. Народ всегда прав, – не согласился Лякса. – Тем более обязаны были уйти оттуда еще в прошлом году, как только союзники покинули Австрию.

– Меньше «Голос Америки» слушай. А то как Лёха залетишь, – строго сказал Юрка.

– Не залечу, если ты не донесешь, – пробурчал Лякса.

– Дурак ты, Лякса, – обиделся Юрка.

– Ладно, умный. Мы же разоблачили культ личности Сталина, а Матиас Ракоши – сталинист. Это он установил диктатуру и расправлялся с неугодными. Да еще насильственная коллективизация.

– Так его за это и сместили, – возразил Юрка.

– Правильно, сместили, а новый, Хагедюш, опять вернулся к сталинизму. После этого народ и стал требовать Надя, при котором жил лучше, и требовать вывода наших войск из Венгрии.

– Да не в этом дело, – не согласился Юрка. – Дело в том, что стали выступать вообще против социализма.

– А я еще раз повторю, – это их выбор.

– Выбор выбором, но есть еще высшие интересы.

– Это какие же?

– Интересы государства. Да и вообще, если б не поляки со своим прошлогодним восстанием, ничего бы и в Венгрии не произошло.

– А при чем здесь поляки? – недоуменно пожал плечами Лякса.

– Так дурные примеры заразительны. Рабочие поднялись в Познани, а Венгрия – глядя на них...

– В Польше все как началось, так скоро и закончилось, – сказал Лякса, – а в Венгрии произошло настоящее восстание, и подавляли его наши танки... Говорят, там убитых и раненых оказалось почти две тысячи. А посадили вообще немерено.

– Любая власть имеет право защищать себя от любых попыток ее сместить, упрямо стоял на своём Юрка. – Так было всегда и везде... Лично я вообще против всяких бунтов и революций, потому что все они бессмысленны, и от них

ни пользы, ни свободы. Придут новые люди, и уже они будут защищали свою власть от тех, кто тоже хочет власти.

– А Французская революция? Она принесла свободу и сделала Францию республикой, – возразил Лякса.

Я молча слушал спор моих товарищей. В голове мелькнула фраза, которую я вслух произносить не стал: «В Париже всё по-прежнему, честные люди ходят пешком, негодяи разъезжают в каретах, только негодяи сейчас другие». Такими словами Гюго отметил какую-то вредную заварушку.

– Во-во. Республику установили, но при этом угробили больше четырех миллионов человек. Читали, знаем. Не жалели ни стариков, ни маленьких детей. И самое аморальное в том, что Гильотен, придумавший гильотину, был уважаемым ученым, доктором анатомии.

– Гильотину изобрел не Гильотен, он только предложил ее использовать, – поправил Алик.

– Да какая разница, – отмахнулся Юрка. – Где у тебя Карлейль?

– Зачем тебе Карлейль?

– А он как раз хорошо показал изнанку революции.

– Ну и что? Читал я твоего Карлейля.

– А я Володьке покажу.

Алик нехотя встал и достал из книжного шкафа томик в сером переплете. Это была книга английского историка Томаса Карлейля¹¹ «Французская революция» Санкт-Петер-

¹¹ **Томас Карлейль** (4 декабря 1795 – 5 февраля 1881) – шотландский писа-

бургского издания 1907 года.

Юрка полистал книгу, нашел нужное место.

– Вот. Здесь говорится, как в трюмы барж заталкивали тех, кто был против нового порядка, и топили. «Но зачем жертвовать баркой? – пишет Карлейль. – Не проще ли сталкивать в воду со связанными руками и осыпать свинцовым градом всё пространство реки, пока последний из барахтающихся не пойдёт на дно?.. И маленькие дети были брошены туда, несмотря на мольбы матерей. «Это волчата, – отвечала рота Марата, – из них вырастут волки»... Вооружёнными палачами «расстреливались маленькие дети, и женщины с грудными младенцами... расстреливали по 500 человек за раз...»

А по закону Робеспьера каждый гражданин обязан был донести на заговорщика, которому, конечно, отрубали голову.

– За это Робеспьера самого отправили на эшафот, – добавил Алик. – Только что ты хочешь этим сказать? Революция была буржуазная, и она не изъясляла волю народа.

– Ага, А Бастилию кто брал? Не народ?

– А что народ? Народ подбить к бунту – раз плюнуть. Главной силой все равно осталась буржуазия... Но ты же не будешь спорить, что революция во Франции утвердила новое, более демократичное общество.

тель, публицист, историк и философ, автор многотомного сочинения «Французская революция» (1837) и др.

– Многие историки говорят, что те же цели могли быть достигнуты и без такого большого количества жертв.

– Это Токвиль¹², – сказал Алик. – Он писал, что крах Старого порядка произошёл бы и без всякой революции. Но другие историки считают, что революция принесла народу Франции освобождение от тяжёлого гнёта, чего нельзя было достичь другим путём.

Алику видно надоел этот в какой-то мере бессмысленный спор, и он сказал:

– Короче, мы пришли к истине, которая лежит посередине. А народ всегда будет недоволен властью и хотеть перемен.

– Буржуазной властью, – подняв палей вверх, значительно сказал Юрка.

– Буржуазной властью, – согласился Алик. – Народ всегда будет недоволен своей буржуазной властью.

¹² **Алексис-Шарль-Анри Клерель де Токвиль** – французский политический деятель, министр иностранных дел Франции (1849). Более всего известен как автор историко-политического трактата «Демократия в Америке».

Глава 8

У Лерана. «Руси есть веселие пити, не может без того быти»¹³. Гуманно ли посылать собаку в космос? Разговор с Милой о Зыщере. «Любовь зла».

Компания Валерки Покровского тусила чаще у Маши Мироновой, реже у Лерана, в институтском доме, – где жил и Зыщерь, – когда мать, Зинаида Николаевна, отсутствовала. Она иногда ездила в Москву к старшему сыну с невесткой, а чаще ходила к близкой подруге, тоже педагогу, старой одинокой женщине Иде Соломоновне, и оставалась у неё допоздна. В таких случаях, когда кто-либо спрашивал Лерана: «А где Зинаида Николаевна?», он махал рукой и говорил: «Да к Иде пошла». В их двухкомнатной квартире, состоящей из небольшого зала и совсем крохотной узкой Лерановой комнатки, в которой едва умещалась односпальная железная кровать с никелированными шарами, однотумбовый письменный стол, да книжный шкаф – только-только оставалось место для прохода. Компания занимала зал, а спальня служила для уединения незаметно сложившейся пароч-

¹³ Слова князя Киевского Владимира в «Повести временных лет». Непременная принадлежность пира – хмельные напитки, но строгий ритуал не допускал пьянства. Исходя из этого и нужно понимать знаменитые слова Владимира. Он оберегал «веселье», но не разгул.

ки: Лерана с Ликой Токаревой. В зале тоже свободного пространства почти не оставалось: много места занимал рояль, хотя он и назывался кабинетным.

При всей бедности нашей студенческой братии, как-то всегда находились деньги на вино. Пили, конечно, дешевое яблочное или портвейн. Пили для поднятия настроения, чтобы шумно спорить, петь под гитару и конечно, решать мировые проблемы. Бывали исключения, когда вино лилось рекой. Но тогда спор становился бессмысленным, мысли примитивными, песни не пелись, а стихи не читались. Тусовка постепенно превращалась в тупую студенческую попойку. К нашей чести, до рук и разборок типа «Ты меня уважаешь?» или «А ты кто такой?» дело никогда не доходило и, в конце концов, все мирно расходилось.

Только что вслед за первым космическим спутником к дню 40-летия революции запустили второй, но уже с животным на борту. Цель запуска – доказать возможность существования живого существа в условиях космического полета. Все радовались, что собака по имени Лайка чувствует себя хорошо.

У Лерана по этому поводу завели пустой спор: гуманно или не гуманно посылать в космос собаку, зная, что ее ждет верная гибель.

– Наука требует жертв, и лучше пожертвовать Лайкой, – заявил Леран. – Мне тоже жаль собаку, но это же было необходимо во имя всего человечества.

– Тем более что собака – беспородная дворняжка, – высказал свое мнение Вовка Забелин.

– Живодер ты, Вовец, – сквозь слезы проговорила Мила Корнеева.

– Чегой-то я живодер? – обиделся Вовка. – У нас дома тоже есть собака, пекинес Яна.

– Вот если бы твою Яну туда запустить, как бы ты тогда? – укоризненно сказала Маша Миронова.

– А никак бы я тогда, – передразнил Машу Вовка, – я бы гордился, что моя собачка внесла вклад в развитие космонавтики.

– Вовка прав, – поддержал Алик Есаков. – Если б не Лайка, как бы ученые доказали, что животные могут долго жить в невесомости? Теперь это позволит запустить в космос и человека... Уровень радиации тоже определили с помощью Лайки.

– Американцы для космических исследований используют обезьян. Это что, более гуманно? – высказался Валерка Покровский.

– Тем более что нашу Лайку усыпили, когда она выполнила задание. Так что она не мучилась, – выразила надежду Лика Токарева.

– Как бы не так, собачка погибла через несколько часов после запуска, так как от перегрева спутника в контейнере тоже стала повышаться температура. Лайка попросту сгорела, – заявил вдруг Вовка.

Все замолчали, переваривая эту информацию. Маша всхлипнула, а Леран насмешливо спросил:

– Би-би-си слушаешь?

– Какая разница, что я слушаю? Я говорю факт.

– Да не слушайте вы его, – сказала Лика. – Вражеские голоса так набрешут, только уши подставляй.

– Еще причиной называют сильный стресс, который пережила собака при выходе в космос, – пропустил слова Лики мимо ушей Вовка.

– Ладно, чего там говорить, смерти животного избежать все равно бы не удалось. Все знали, что пес погибнет. Возвращать спутники обратно на Землю еще не научились. А как научиться, если не известно, возможно ли жить в космосе или нет? Вот наша Лайка и доказала. Можно сказать, что она открыла дорогу в космос.

– Я бы ей памятник поставила, – сказала Маша.

– А ты, Маха, не бойсь – запросто поставят, – заверил Валерка.

– За это нужно выпить, – предложил Есаков. – У меня есть четвертной. Кто пойдет?

Засобиралась домой Мила Корнеева.

– Ты чего? Время еще детское, – пыталась уговорить Милу остаться Лика Токарева

– Завтра семинар по литературе, а я еще конспект в руки не брала, – сказала Мила.

Я вызвался проводить.

– Что вы все разбегаетесь-то? – недовольно сказал Есакков. – Сейчас Вован вино принесет.

– Алик, без обид, я бы остался, да матери обещал сегодня пораньше прийти, – извинился я.

– Что, тоже на Милку запал? – равнодушно заметил Леран.

– Почему «тоже»?

– Да на нее все западают.

– Я не запал, – поспешил заверить я Лерана. – Просто нам по пути. Моя остановка рядом с общежитием.

– Да ладно, нам какое дело, – не поверил Леран.

Я не мог объяснить, что хотел поговорить с Милой без свидетелей.

Когда вышли, я сразу спросил Милу:

– Как тебе Зыцерь?

– Препод по языкознанию? Нормальный дядька.

– Какой он дядька? Ему еще только двадцать восемь лет.

– Двадцать восемь – это почти тридцать. Конечно дядька, – не согласилась со мной Мила. – А что?

– Нравишься ты ему.

– Я? Ему? – округлила глаза Мила.

А чего ты удивляешься? Ты многим нравишься? – сказал я.

– Может быть, я и тебе нравлюсь? – серьезно спросила Мила.

– Нравишься, – не стал скрывать я. – Но я говорю не про-

сто о «нравишься». У него, по-моему, к тебе серьезно.

– Ну, а мне-то что? – сухо ответила Мила. – Он преподаватель и страшный.

– Он умный. А страшный был Квазимодо, и то его Дездемона полюбила.

Мила засмеялась, потом серьезно сказала:

– Я не хочу больше об этом говорить.

– Ты не представляешь, какой это интересный человек. Он, например, изучает культуру басков и хочет доказать, что их культура тесно связана с грузинской культурой.

– Что еще за баски? – спросила Мила.

– Народ такой, который живет на севере Испании.

– Ты для этого меня провожал? – сухо спросила Мила.

– И для этого тоже, – сказал я.

– А еще для чего? – не отставала Мила.

– Мил, что плохого в том, что я тебя проводил?

– Пока! – Мила скорчила недовольную гримасу и поспешила к подъезду общежития.

Я стоял на остановке автобуса и как-то лениво, потусторонне думал про Зыцера, воспылавшего вдруг страстью к красивой студентке, про Богданова Юрку, заморочившего голову Машке Мироновой. Потом всплыла в памяти красавица скрипачка с Ленинской, вокруг которой роем вились воздыхатели, несмотря на природный изъян в виде кривых ног.

«Недаром народная мудрость сложилась в поговорку

«Любовь зла», – решил я, садясь в подъехавший автобус.

Глава 9

Отец и его Есенин. Упадничество, как и мистика, не приветствуется. Маша Миронова и Юрка Богданов. Есенин, Ахматова, Зощенко.

Отцу старый товарищ КП – Константин Петрович – подарил том только что вышедших избранных стихов Есенина, которого отец очень любил и который не то чтобы запрещался, но увлечение его поэзией не поощрялось. В школе нам говорили, что Есенина читать не нужно, потому что он хулиган, пьяница и психически больной человек, а поэтому и его поэзия сплошная похабщина и разврат. На это отец прочитал несколько стихов Есенина, которые восхитили меня. Стихи воспевали русскую природу, говорили о чистой и светлой любви. От этих стихов веяло ароматом полей, запахом свежескошенной травы и деревней с ее нелегкой крестьянской жизнью. Стихи казались простыми и незамысловатыми, но в них слышалась музыка, их хотелось петь. Я не предполагал, что отец так хорошо знает Есенина, но понял, что его роднят с ним их деревенские корни. Когда отец читал «Возвращение на родину»:

*Я посетил родимые места,
Ту сельщину,*

*Где жил мальчишкой,
Где каланчой с березовою вышкой
Взметнулась колокольня без креста.*

И дальше:

*Отцовский дом
Не мог я распознать:
Приметный клен уж под окном не машет...*

Я видел грусть в глазах отца. Ведь это поэт писал и про него. И «Письмо от матери» про него. А «Русь»? Которая кончалась так:

*Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.*

Разве мог это написать психически больной человек! И теперь я уже не верил, что поэт с такой чистой душой и такой любовью к Родине, мог писать похабщину и что его стихи сплошной разврат.

Конечно, отец предупредил меня, чтобы я больше помалкивал, если где-то зайдет разговор о Есенине. И не нужно кому бы то ни было знать, что у нас об этом поэте свое осо-

бое мнение. Мы с отцом уже были научены горьким опытом настороженного, если не сказать враждебного, отношения к моим, выходявшим за рамки общеизвестного способностям, которыми я обладал, и осторожность как-то уже стала нашим естественным образом поведения.

Вечером я зашел к Юрке Богомолу. Мне открыла Наталья Дмитриевна. Увидев меня, обрадовалась.

– Володя пришел. Вот хорошо, что пришел.

И зашептала:

– А у Юрика – девка. Ну их совсем. Уж два часа сидит... Замучили девки. Сейчас Маша. Эта, правда, хорошая, вежливая.

– Мам, кто там? – подал голос Юрка.

– Володя пришел, – елеинным голосом ответила Наталья Дмитриевна.

Из своей комнаты вышел взъерошенный Петр Дмитриевич, пробурчал что-то вроде приветствия и снова скрылся в комнате.

Вышел Юрка, в тапочках и в расстегнутой рубашке поверх брюк. Поздоровался. Торопливо сказал:

– Иди к Ляксе. Он дома. Я сейчас Машку до автобуса провожу и приду.

У Ляксы я похвастался Есениным. Ведь, чтобы купить книгу, несмотря на большие тиражи, нужно было её доставать или стоять за ней в очереди.

– Отцу подарили, – сказал я. – Наконец издали.

– Почему «наконец»? – усмехнулся Лякса. – Его и раньше издавали.

– Ну, как же, всем известно, что он считался запрещенным и что за чтение его стихов могли привлечь, – сказал я.

– С «есенинщиной» боролись, считая его поэзию упаднической и вредной, но стихи издавали.

– Как это? – удивился я.

– Не знаю. Знаю только, что с 28-го года он издавался почти каждый год вплоть до выхода этой твоей книги. Если не веришь, у меня есть список.

– А как же статья? Ведь действовала же 58 статья, по которой за чтение стихов Есенина могли посадить, – напомнил я.

– Вряд ли просто за стихи, – покачал головой Лякса. – Конечно, в школе «Москву кабацкую», например, никто б читать не разрешил, но учителя за чтение ученикам Есенина во времена Сталине, я думаю, могли бы и посадить.

Пока мы говорили про Есенина, пришел Юрка.

– Да тогда много что запрещалось, – сказал Юрка, когда Лякса рассказал ему о нашем разговоре. – Вспомните Ахматову и Зощенко. Как их после войны Жданов раздолбал. Мол, Зощенко высмеивает советские порядки и советских людей представляет чуть не идиотами, а Ахматова своей безыдейной поэзией вообще наносит вред.

– Их начали долбить еще раньше, так что к этому все шло, – заметил Лякса.

– Зощенко многим не нравится, – сказал я. – Одна знакомая библиотечка, сказала мне как-то про него: «Господи, как можно такую пошлятину читать!»

– А это с какой стороны посмотреть, – усмехнулся Юрка. – Зощенко, конечно, не Чехов, но классик.

– Лично я тоже никакой пошлости в рассказах Зощенко не вижу, – согласился с Юркой Лякса. – Твоя библиотечка ничего не поняла или не так читала Зощенко.

– Вот именно. Не дураки же были Алексей Толстой и Тынянов, когда давали Зощенко оценку как классику, – подтвердил Юрка.

– Прибавь сюда еще Олешу и Маршака, – вспомнил Лякса.

Глава 10

В деревню к бабушке. Наше «Белое безмолвие». Радость встречи. Еда из русской печки. «Сейчас жить можно». «Охота». Банька.

Как-то я, поддавшись настроению отца, который не выпускал из рук томака Есенина и нет-нет да вспоминал то отчий дом, где прошло его детство, то своих сверстников, почти всех погибших в войну, с которыми бегал босоногим мальчишкой в лес, – а бескрайние брянские леса начинались в двухстах метрах от дома, – то яблоневый сад, завораживающий взгляд в период цветения, сказал Юрке:

– Не хочешь махнуть на пару дней в какую-нибудь глухомань?

– В какую еще глухомань? – насторожился Юрка.

– Да есть такая. Родина отца. За Брянском, от Дубровки пятнадцать километров пёхом.

– А что там? – заинтересовался Юрка.

– Там Брянские леса, волки и медведи, банька по- черному и моя мудрая и добрая бабулька, которая накормит блинами и напоит чаем из самовара.

– А давай! – загорелся Юрка.

И мы стали собираться. Ехали налегке. Юрка раздобыл где-то унты, и они нелепо смотрелись под его модным паль-

то. Не лучше выглядел и я в лыжных ботинках, зеленых лыжных штанах и тоже в легком как у Юрки пальто. Еще мой друг прихватил охотничье ружье, когда-то подаренное его отцу, а к нему с десятков патронов.

– На медведя? – ехидно спросил я.

– На что придется, – не обиделся Юрка.

– Если на медведя, лучше рогатину, – серьезно сказал я, пряча улыбку.

В рюкзаки мы запихнули только самое необходимое: шерстяные носки на смену, если промокнем, по паре банок частика в томатном соусе, колбасу, да хлеб, так что, если бы не гостинцы в виде редких в меню деревенских жителей макарон, сахара, да карамели детям, рюкзаки болтались бы у нас за спиной как сдутые шары. Отец мой обрадовался нашей поездке так, будто сам ехал с нами на встречу со своим детством; он как-то повеселел, суетился, давал ненужные советы и успокоился только, когда я, пропуская мимо ушей наставления на дорогу, вырвался из дома и поспешил на автостанцию, где меня ждал Юрка.

Через три часа мы добрались до Брянска, но долго ждали автобуса на Дубровку, так что успели перекусить в привокзальном буфете чаем и своим хлебом с колбасой, да немного прогуляться по городу. А дальше транспортом могли служить только лошадь с санями из колхоза «Новый путь» деревни Галеевки, конечного пути нашего путешествия.

– Да это вы неделю можете прождать. Туда редко бывает

оказия, тем более, зимой, — расстроили нас местные. — А вы пешком. Здесь не так далеко, километров десять или чуть больше. За пару часов хорошим шагом доберетесь.

И мы потопали своим ходом. Шли бодро, потому что время близилось к вечеру, а темнело рано. За два часа мы поспевали как раз добраться до темна.

Скрылась из вида станция, а потом и последние дома райцентра, и теперь вокруг нас расстилалось «белое безмолвие». Мы шли по едва обозначенному полозьями саней и пешеходами дороге; повали снег, — и эти следы замело бы в мгновение ока, сбиться с дороги стало бы делом пары пустяков. Вдали чернел лес, но вскоре дорога ушла в сторону, и лес остался позади. И мы по-прежнему шли по заснеженному полю. Снег слепил, и мы невольно прищуривались, потому что смотреть на равнину с холмами, покрытыми белой сияющей массой снега, становилось невозможно. Сначала мы переговаривались, что-то рассказывали друг другу, потом замолчали и шли молча, механически двигая ногами. Я вспомнил Джека Лондона: «Нелегко оставаться наедине с горестными мыслями среди Белого безмолвия».

«Господи, — стыдливо подумал я. — Что такое эта наша недолгая прогулка по заснеженной равнине в десяток километров перед той величественной и страшной стихией, в которой выживали герои американского классика!».

Однако день клонился к исходу, а мы не знали, как долго еще предстояло идти. По времени мы уже шли около двух

часов. Теперь лес показался справа. На сером небе обозначилась луна, хотя вокруг по-прежнему оставалось светло – от снега, который под луной засеребрился и сказочно сверкал. Стало быстро темнеть. Со стороны леса послышался протяжный вой.

– Собаки? – с надеждой спросил Юрка.

– Кабы не волки, – насторожился я.

Мы ускорили шаг и почти бежали, подгоняемые страхом. Но вот впереди показались далекие огоньки. Это окрылило нас, и мы, вздохнув с облегчением, бодро заспешили к спасительному свету.

Дом моей бабушки стоял особняком на холме, отдельно от всех остальных домов, которых насчитывалось не больше трёх десятков, и располагался так, будто предназначался для обороны от нашествия монголо-татар. Это было глухое, но необыкновенно живописное место. С двух сторон дом окружал в низине широкий ручей с толстым, спиленным для удобства перехода по нему, бревном; метрах в двухстах от дома начинались Брянские леса, уходящие за горизонт, а за домом – огород, который переходил в поле без конца и края. Перед домом украшением стоял яблоневый сад, голый, но от этого не менее красивый, а в глубине примостилась у тына¹⁴ ладно собранная бревенчатая банька.

Свет от окон бабушкиного дома отражался желтыми квадратами на утоптанном снегу расчищенной дорожки перед

¹⁴ **Тын** – частокол или забор из вертикальных бревен или жердей

домом. Я постучался в окно и почувствовал, как бьется мое сердце, а волнение я ощутил, как при возвращении в родной кров после долгого отсутствия. Видно работала генетическая память, которая шла от моих вековых корней.

Увидев меня, бабушка охнула; руки ее сложились крестом на груди, и она заголосила, запричитала:

– Дитёнок! Ох! Бог послал радость! Ахти мне! Да с товарищем, с ангелом небесным! – запричитала бабушка.

Юрка стоял смущенный. Городской житель, далекий от подобного проявления искренней, лишенной всякой фальши радости, он растроганно хлопал ресницами.

Как и в прошлые годы, когда бабушка приезжала к нам и когда мы ездили к ней в гости, одета она была так же, то есть так, как одевались в деревнях на Брянщине испокон веков: белая рубаха, расшитая крестом, понева из домотканой ткани и повойник на голове, а на ногах лапоточки с онучами, перевязанными тонкой бичевой.

Из-за занавески у запечья вышла моя тетка, младшая сестра отца Катерина. Она поправляла волосы, закручивая их в пучок на голове, и застенчиво улыбалась.

Бабушка хлопотала у русской печки, занимавшей, без преувеличения, полгорницы. Она сняла заслонку со свода печи, достала чугунок со щами и поместила туда другой чугунок, с вареной картошкой. Катерина накрыла стол, дала нам чистые рушники, расшитые петухами, чтобы мы положили их на колени и, не дай бог, не пролили щи и не капну-

ли еще чем на наши «дорогие» штаны. Катерина поставила на стол деревянные миски и положила простые без росписи деревянные ложки, сходила в сенцы, повозилась там немного и принесла бутылъ самогона и соленые огурцы, а бабушка поставила чугунок со щами на середину стола, и мы сами большой деревянной ложкой – межеумком¹⁵ или бутыркой¹⁶ – налили себе в миски щи, от которых шел умопомрачительный запах. Мы выпили по маленькому стаканчику самогона, но только потому, что с мороза продрогли основательно, съели по целой миске щей с мясом, потом с огурцами – по паре картофелин, которые быстро разогрелись в долго не остывающей русской печке. Сытые и разомлевшие, мы быстро уснули богатырским сном на печи и спали, не слыша петухов, но отходя от сна от легкого скрипа половиц и от пошвакивания ухвата о чугунную сковороду, на которой бабушка пекла оладышки, и от детских голосов и смеха. Это дети Катерины, восьмилетний Ванятка и пятилетняя Дашуня. Отец их, Степан Иванович, как зима пришла и закончились колхозные работы, отправился в Брянск на заработки.

Умывались мы студеной водой в сенцах, разбив хрупкую ледяную корочку ковшом. Завтракали яичницей с салом и оладышками. Я уже раньше ел блюда из печи, в которой даже верхушка сливок молока в кубане поджаривается до коричневой пенки и приобретает вкус не сравнимый с обыч-

¹⁵ **Межеумок** – средняя деревянная ложка («ни то, ни сё»)

¹⁶ **Бутырка** – большая широкая деревянная ложка.

ным кипяченым, а Юрка видел это в первый раз. И яичница, и оладушки имели вид пышный, объемный и покрывались румяной корочкой. Такого на плите не приготовишь, тем более на газовой.

Бабушка осталась довольна гостинцами, потому что все это можно купить только в районе. Далеко, да и деньгами колхозников особенно не баловали, небольшие деньги могли появиться если только от продажи продуктов своего хозяйства. Конфеты же Катерина спрятала на полку, выдав ребятам по две штуки.

– Сейчас жить можно. Как Сталин этот умер, так облегчение пошло, – рассказывала бабушка. – Девки поют: «Пришел Маленков, дал нам хлеба и блинков». А теперь и вовсе хорошо: и скота держи, какого хошь, и налог помене, и на трудодни деньги дают».

«А еще пели: «Ай, спасибо Маленкову – разрешил держать корову», – вспомнил я. Отец рассказывал, как жили в колхозе после войны. Единственным пропитанием у колхозника оставался его приусадебный участок, да своя корова. Это и не давало умереть с голода. Но, кроме того, он должен был со своего участка сдать государству какое-то количество картошки, яиц, молока и мяса. В больших семьях одеть детей было не во что. Часто сапоги носили по очереди. На огороде выращивали даже пшеницу, питались в основном картошкой, а лакомством служили капустные кочерыжки и то, когда солили капусту...

После завтрака Юрка уговорил пойти в лес. Мне бабушка нашла дедовы валенки, которые я надел вместо своих бесполезных в лесу лыжных ботинок. Валенки я никогда не носил и впервые ощутил блаженное удобство этой обуви. Считается, что валенки – исконно русская обувь. Но нет, оказывается, к русским жителям валенки попали во время нашествия Золотой Орды. Монголы носили обувь, похожую на валенки, которая называлась «пима», а в России валять валенки стали недавно, конечно, если двести лет считать сроком небольшим.

Проводником к нам напросился Ванятка, а с ним увязалась собака Манька непонятной породы, которая жила при доме. Так что на охоту мы шли по всем правилам, с ружьем, проводником и собакой.

По дороге встретился дед в облезлой ушанке и драгой фуфайке, в прорехах которой торчали клоки ваты. Дед нес большую вязанку хвороста. Увидев нашу компанию, он сбросил хворост на снег, вытер пот со лба рукавом, поздоровался и спросил:

– А вы чьих же будете? Вижу, городские. Ай к Василине приехали, раз Ванятка с вами?

– Здравствуй, дед, – ответил я. – Я внук ее. Погостить с товарищем приехал.

– Хорошее дело, – одобрил дед. – На кого ж с ружьем-то идете?

– А на кого придется, – сказал Юрка. – Может, зайца под-

стрелим.

– Зайца, значит. Это дело. Ну, давай вам Бог, – хихикнул дед в бороду, взвалил на себя хворост, но вспомнив вдруг, сказал, обращаясь ко мне:

– Скажи Василине, что мол Дарья зубами второй день мается, пусть зайдет заговорит, а то прям беда.

И дед пошел в деревню.

– Так у тебя и бабушка лечить может? – усмехнулся Юрка. – Значит это наследственное?

– Может быть. Говорят же, что экстрасенсорная способность проявляется в большей степени, если в роду не дальше третьего поколения были родственники, которые сами обладали какими-то способностями этого типа... Хотя, у меня всё по-другому...

В лесу мы побродили с час, стараясь держаться протоптанных тропинок. Стоило отклониться в сторону, как начинали тонуть в сугробах и возвращались назад. Зайцев мы не встретили, но видели заячьи следы. По крайней мере, Ванятка сказал, что это заячьи. Мы ничуть не расстроились, а на выходе из леса Юрка пальнул по воронам, подняв их с насиженных гнезд; они, встревоженные, поднялись в небо и огласили окрестность беспорядочным граем.

Вечером Катерина истопила баню. Топилась она по-черному, то есть без трубы, и весь дым оставался в помещении. Катерина открыла двери, чтобы вышла вся гарь, и оставила нас с Юркой, показав, как поддавать пар.

Мы разделись в предбаннике, взяли березовые веники и смело вошли в парилку, обильно вылили ковш воды на камни, грудой лежавшие в углу, раскаленные камни зашипели, и пар окутал все пространство так, что мы потеряли друг друга из виду. Стало жарко и нечем дышать, но мы все же легли на полки и попытались похлопать себя по спинам, но через пару минут выскочили, одуревшие от жара, сначала в предбанник, а потом в сад и с маха бросились в сугроб, невольно издавая при этом дикие вопли. Когда чуть охладились, вернулись в парную и теперь уже смогли попариться как следует, колотя друг друга вениками по ногам, животам и спинам что есть мочи. Тела наши стали пунцово-красными, и мы снова ныряли в сугробы.

После бани пили душистый мятный чай из самовара с заваркой из смородиновых и вишневых листьев. Попахивал он дымком, потому что кипятился на еловых шишках. Я не понимаю, как могло вместиться в нас столько чая! Мы выпили стаканов по шесть или больше, вприкуску с сахаром, без хлеба, опустошив половину ведерного самовара!

Провожала нас на следующий день бабушка со слезами, перекрестила на прощанье и долго стояла возле дома на горе, откуда дорога виделась почти до горизонта.

Глава 11

Стас с худграфа. Алкоголизм. Психприемник. Гипнотизер (первый сеанс, второй сеанс).

Вино коварно, и мы иногда теряли своих товарищей, тех, которые тонули в алкоголе, тихо спиваясь, и исчезали из поля нашего зрения.

Стас Красовский учился на худграфе, и преподаватели считали его подающим надежды. Поступил он в институт после художественного училища, у него уже сформировался собственный стиль. Ему одинаково хорошо удавались животные, люди и пейзажи, которые он писал в классической манере, хотя его абстрактные рисунки тоже отмечались как интересные. В общем, ему прочили большое будущее как художнику.

Наверно, так бы и случилось, если б не вино, к которому он пристрастился. Сначала выпивал как все и до непотребного состояния не напивался, но постепенно и незаметно, как в классических примерах психиатрических учебников, дозы увеличивались, а выпивки становились чаще.

Как-то Стас опоздал на общую лекцию по политэкономии в аудитории-амфитеатре. Он извинился и пошел мимо кафедры, с которой читал лекцию преподаватель, щуплый незначительного роста человек Песиков. По пути Стас по-

шатнулся и зацепился тяжелым пузатым портфелем за кафедру. Раздался характерный звяк посуды. В тишине, когда муха пролетит – слышно, это прозвучало так вызывающе откровенно, что аудитория покатилась со смеху. Ничего не понял только Песиков. Он подождал, пока аудитория успокоится и продолжил монотонно как пономарь вдалбливать нам суть трудовой теории стоимости Адама Смита и Давида Рикардо.

Стас присел передо мной, и я, чуть наклонившись к его столу, шепотом спросил:

– Ты чего пустые бутылки с собой таскаешь?

– Сдать хотел, – также шепотом ответил Стас. – На червивку не хватило. У меня только восемь рублей. Не добавишь?

Деньги у меня были, и Стас, не досидев до конца пары, ушел, сообщив Песикову, что у него болит голова. Как сказал мудрый Расул Гамзатов:

*Ты пьешь вино и пьешь.
Как царь и повелитель.
Постой, еще поймешь,
Что ты его служитель.*

Но однажды трезвый и грустный Стас объявил нам, что завтра идет лечиться от алкоголизма.

– Мать поставила условие: если не пойду в диспансер,

больше ни копейки не даст. Да это черт с ними, с деньгами! Отец обещал в армию сдать. А батя, если сказал, сделает.

Отец у Стаса, мужик крутой и настоящий полковник, занимал должность военкома области. Удивительно, что при таком отце, пьянки Стаса до сих пор сходили ему с рук. Сына, как могла, прикрывала мать.

Гипнотизер

I

Психприемник находился в городском парке, в зоне аттракционов. Длинный одноэтажный дом с высоким фундаментом и выщербленными кирпичными стенами, окрашенными в грязно-желтый цвет, несуразно торчал среди зелени лип и кленов, которые не могли полностью скрыть его ядовитую желтизну, и он виден был далеко за парковой оградой.

Они обошли здание кругом, и мать, пропустив Стаса вперед, будто опасаясь, что тот в последний момент сбежит, стала подниматься по шаткой деревянной лестнице следом за ним.

В плохо освещенном коридоре мать остановила проходящую мимо сестру и тихо, и невнятно, так что пришлось повторить, спросила, где найти врача-невропатолога Валентина Степановича.

– А вон, к нему больные сидят, – сестра кивнула в конец коридора.

Они со Стасом подошли к кабинету, возле которого сидели и стояли люди, и мать, не останавливаясь, сходу открыла двери и исчезла в кабинете. Через несколько минут она позвала Стаса.

Гипнотизер Валентин Степанович оказался рыжим мужчиной средних лет с гладким полным лицом и серыми глазами. Он усадил мать со Стасом у стола, и они сидели друг про-

тив друга, напряженно ожидая, когда он кончит писать. Наконец, врач ткнул ручку в гнездо чернильного прибора и захлопнул чью-то историю болезни.

– Ну, рассказывай, – он строго посмотрел на Стаса. – И как у попа на исповеди, ничего не скрывай.

– Чего рассказывать-то? – исподлобья взглянул на врача Стас.

– А все! Пьешь давно?

Стас пожал плечами.

– Ну, сколько времени?

– Да года два.

– А самому сколько лет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.